

титул

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Д13

ПРЕДИСЛОВИЕ (для всех)

Давыдов, Александр.

Д13 Мальчик и его деревянный меч/Александр Давыдов ; [ил. Елены Шамшуриной]. — М.: Самокат, 2023. — 144 с. : ил. — ISBN 978-5-00167-411-5.

Жил-был в одном городе Мальчик, и жил он в большущем доме, красивом, как шкатулка-ларчик. И ходил он гулять на детскую площадку, да не один, а с бабушкой — ведь непростой был город, полный машин и опасностей похуже. Жили в нем не только добрые люди, и совершались там чудеса тоже не всегда добрые. Даже колдуны, бывало, встречались.

В таком узнаваемом, но одновременно глубоко сказочном мире встретил Мальчик сироту Розку, и вместе они отправились по селам и полям, всё дальше в будущее.

Александр Давыдов, издатель и переводчик, проводит нас в архетипический мир русской сказки, длящейся весь двадцатый российский век и так и не кончившейся.

Дорогие читатели, перед вами — современная авторская сказка. Корнями она уходит в древнюю фольклорную традицию, вы услышите в ней отголоски многих известных вам сказок и былин. Поэтому мы хотим напомнить вам, что в сказках все персонажи вымышлены, действия и события — сказочны, а любые параллели и совпадения случайны. Если кто из вас и найдёт в этой сказке намёк, то исключительно по своей воле и разумению.

А ещё мы надеемся, что вам, дорогие читатели, и так понятны основы и правила человеческого поведения.

Например, что нельзя обижать и мучить ни животных, ни людей, ни сказочных существ.

Что взрослым категорически не рекомендуется курить, употреблять алкоголь и прочие дурманящие разум субстанции, а детям — так и вовсе запрещается, ведь это очень вредно для здоровья.

© Александр Давыдов, текст, 2023
© Елена Шамшурина, иллюстрации, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательский дом «Самокат», 2023

ISBN 978-5-00167-411-5

Что любое присвоение чужого имущества строго карается законом, чем бы вы ни объясняли потом свой проступок.

И что драться, конечно, тоже нельзя, ведь любой конфликт можно и нужно регулировать путём переговоров. В конце концов, мы же не в сказочном мире живём, не так ли? Всякому известно, что по-богатырски вести себя никак не уместно в реальной жизни.

Мы надеемся, что к концу сказки вы вспомните, о чём мы вас предупреждали, и продолжите вести цивилизованный образ жизни.

Благодарим вас за внимание и приятного вам чтения!

Редакция

ПРЕДИСЛОВИЕ

(для детей)

Мой юный друг, вообще-то я пишу книги для взрослых, а эту сказку-быль сочинил для своего сына, чтобы в занимательной форме ему передать свой жизненный опыт и понимание мира, в котором существуем. Сыну тогда было лет десять, ему она понравилась. Но сперва я не собирался её печатать. Прошло ещё много лет. Успел вырасти и внук, которому моя быль тоже в детстве нравилась. Честно говоря, я уже позабыл о ней, когда на неё вдруг наткнулся в старых рукописях. Сам перечитал и с внуком посоветовался. Мы оба решили, что сказка вовсе не устарела. Да ведь она и посвящена вопросам вечным, что доходчиво объяснил мой покойный друг, знаток всего на свете Юрий Стефанов в своём послесловии. Но оно скорее для родителей, а ты, друг мой, и сам многое в этой сказке поймёшь, остальное почувствуешь.

Автор

Глава 1
МАЛЬЧИК

ный мой друг, хочешь, я расскажу тебе сказку? Не хочешь? Тогда я расскажу быль. Слушай внимательно.

В одном городе жил Мальчик. Жил он в большущем доме, красивом, как шкатулка-ларчик, где его бабушка держала нитки с иголками. Стоял дом тот на пригорке, а вокруг — только маленькие домишки. Мальчик поначалу такой был маленький, что едва головой до подоконника доставал, потому ни других домов, ни машин внизу не видел, а видел только солнце, облака и снег зимой. Да ещё присаживались голуби на карниз и ворковали: гур-гур.

Каждое утро ходил он погулять в скверик. Поскольку Мальчик был маленький, гулял он с бабушкой, одного не пускали. И правильно делали:

город-то был непростой, хотя и уютный, ничего себе. Но совершались там чудеса, и не то чтобы добрые, недобрые больше. Ещё знаки в небе являлись: то крест огромный, то слова какие-то неведомым письмом.

И колдунов было много, и людей с недобрым глазом. Они детей, говорят, воровали. Как-то слышит Мальчик: в дверь скребутся. Он и открыл. А ведь строго-настрого ему запретили, на два замка дверь запирали да ещё на три щеколды.

И ты, юный мой друг, дверь не всем отпирай — люди бывают не только хорошие.

Видит Мальчик: лежит прямо на пороге детина-великан. В рваньё одет, в галошах на босу ногу. Подмигивает, гримасничает, губы в кровь разбиты.

— Кудряш, — спрашивает, — когда деньги отдашь?

— Какие, — удивился Мальчик, — деньги?

Дядька ему вовсе незнакомый. А у того, видать, была присказка такая.

Тут бабушка прибежала, Мальчика за шиворот в дом втащила — и сразу ему по заднице. Лично я, юный друг, против таких методов воспитания, тем более что и мне в детстве изредка доставался шлепок. Но раньше детей строго воспитывали. Бабушка вообще-то добрая была, но вспыльчивая. Детина тут же перестал паясничать, встал перед ней навытяжку и руку протянул: подай, мол. Мальчик нищего пожалел, просит бабушку:

— Дай ему копеечку.

Она и дала. Тот им вежливо «мерси» говорит, а Мальчику уголком глаза подмаргивает: ещё, мол, повстречаемся. И ведь повстречаются, юный мой друг! Хотя, может, и нет, сам пока не знаю. А попрошайка сразу ушёл.

Так он, наверно, колдун был. У него за спиной мешок, а там украденный другой мальчик. Глазом он его усыпил или придавил слегка.

— Неслухов они воруют, — объяснила няня.

И с тех пор Мальчик стал послушным, но всё равно от беды не упасся. Послушным тоже не всегда жизнь — малина. Признаться тебе, послушных я прежде ох как не любил. Встречу, бывало, послушного, так сразу хотелось подзатыльник ему влепить. Потом я подрос и понял, что маму с папой надо слушаться, чтобы они не огорчились и прожили подольше. Очень плохо без них, даже взрослому. Это ты уж мне поверь.

Теперь слушай дальше.

Ходил Мальчик с бабушкой гулять в скверик. Скверик-то был махонький: деревца хилые, запылённые, зато посередине — клумба. На ней маки алым цветом полыхают. В общем, скверик, каких много. На скамейках бабушки сидят и — блям-блям — соседям кости перемывают. А дети рядом в песочке ковыряются. Но и тут не без колдунов, подохни они все!

Глава 2 ДЕВОЧКА МАША

Ровно в полдень ведьма на сквер выходит — сухая карга, морщинистая, вся в чёрном, пыльный подол по земле волочится. И замирают все, и затихают все, даже птицы не чирикают. Сидит старая ведьма одна-одинёшенька. Она круг на земле своей клюкой очертит, и не заступи за черту — погибнешь.

Мальчик-то в бабьи сказки не верил. И девочка, подружка его, тоже не верила. Оттого и случилась с ней беда. А добрая была девочка, хорошая, личико ангельское. И в платяцах кисейных ходила, как принцесса. Имя тоже красивое, как нотками-слезинками рассыпается: Мария её звали. И нет лучше имени во всём белом свете. Для Мальчика имена цветные были. Так это —

бледно-розовое, чуть в голубинку, как свежая пастила. Как-то надела Маша Мальчику на палец медное колечко и в щёку его чмокнула.

Ведьма, бывало, как её увидит, вся слюнями исходила — слюни из беззубого рта на платье капали. И чёрные заклинания шептала. Уберегал Машу до поры ангел-хранитель. Но ответить ли ему беду своими стрекозиными крылышками?

Разбегались как-то дети, страх потеряли. И заступила Маша за колдовскую черту своим сандаликом. Тотчас земля содрогнулась, стон могучий по скверу разнёсся, рык отчаянный. Детишки от страха к своим бабушкам разбежались, носами в их тёплые юбки уткнулись. А ведьма как ни в чём не бывало только пальчиком погрозила. Коготок свой с улыбкой покусала и говорит:

— Хорошая какая девочка, и платице красивое. Жить бы тебе да жить.

А Маша ей язык показала — и бегом домой.

Наутро Мальчик только глаза открыл — видит: сидит на карнизе белая голубка и грустно так воркует. А клювик у неё красненький, как в крови испачкан. Встал Мальчик с постели и тихонько по стеклу постучал. Мигнула она ему одним глазиком и ввысь улетела, в небе синем растаяла. Как и не было её.

Погулять вышел Мальчик, смотрит: из-за угла чёрная карета выезжает. Два битюга её влекут, чёрные тоже. Цокают кони копытами, карета

по булыжникам переваливается. А тётка-дворничиха из шланга тротуар поливает. «Совсем дурная, — подумал Мальчик, — всё равно ж на-топчут».

Так и сгинула Маша, ангельская душа. То ль во сне, то ль гадкая ведьма её заколдовала, но — встала девочка на подоконник, ввысь взлететь хотела, как голубка. Но злые силы нас книзу гнетут, а она жёсткая, земля.

А Мальчику с той поры стало страшно жить на свете. По ночам в постели ему не спится. Бабушка молитву пробормотала — и храпит. А он ворочается с боку на бок. За окном луна — жёлтая, полная. На улице голоса шепчутся, перешёптываются. Блики по потолку скользят.

Игрушки мальчик совсем забросил, и книжки с картинками. Сидит, смерти боится. Няня, бывало, к нему подойдёт, по головке погладит, леденчик сунет, чтобы не грустил. А он её спрашивает:

— Смерть, няня, это когда — как?

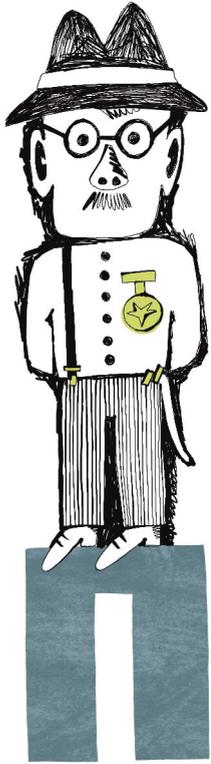
Его няня мудрая была старуха. Она ему отвечает:

— Смерть — это когда в землю тебя зароят.

Мальчик ещё больше пригорюнится. Няня тогда ему ещё леденчик сунет и шепоткой его перекрестит. Мальчик-то шоколадки любил, а не леденчики. Так он их сразу глотал, чтобы не сосать и не грызть зубами. Няню не хотел обидеть. Добрый был Мальчик.

Ты спросишь, юный мой друг: с чего это я панихиду завёл, о печальном говорю? Так жизнь, сам знаешь, она разная: грусть накатит, потом, глядишь, радость наступит. Мальчику нашему и того и другого вдоволь было отпущено. И много в жизни всяких приключений. Так что ты дальше слушай.

А смерти бояться, наверно, не стоит, ведь мудрые люди говорят, что души наши пребудут вечно. Некоторые, правда, надеются, что таблетку изобретут. Проглотил её — и не умрёшь никогда. Вот и Мальчиков папа всем хотел бессмертную жизнь подарить. Он был учёный. Об этом я сейчас и расскажу.

Глава 3 МИКРОБ ВИТАЛИЙ

Приходит как-то вечером Мальчиков папа домой... Шляпу с головы снимает, цепляет её на вешалку. Совсем забыл сказать, что у Мальчика родни было видимо-невидимо. Мама с папой, конечно, и ещё дяди, тёти, братья двоюродные и даже племянник, здоровенный верзила. Они все вместе жили. Потому народу было в квартире — не протолкнуться. Чтобы умыться утром, с вечера очередь занимали.

Так вот. Пришёл папа домой, плащ на вешалку повесил, из кармана достал газету, в трубочку её сложил и — хлоп по стенке. Муху убил. Ну и что? — ты спросишь. Пока ничего.

Потом разворачивает он газетку, на стол кладёт и сверху рукой прихлопывает. Тут семейство сбе-

гается, и все газету рассматривают. Там на фото — тот же Мальчиков папа. Ему лысый карлик руку пожимает, а папа радостно улыбается. Дяди с тётями тоже чему-то обрадовались, стали папу по плечам хлопать, подлизываться. А он из кармана блестящую медаль вынимает, на пиджак себе прицепил и грудь колесом выпятил.

Тут один дядя из потайного шкафчика достаёт бутылку с вином. Племянник, здоровый балбес, за пазухой порылся — вынимает маленькую бутылочку. Бабушка поворчала, но достала из буфета графинчик с наливкой. И стали взрослые пировать. А Мальчик? — спросишь ты, друг мой. Мальчика, как всегда в таких случаях, спать отправили.

А ему только того и надо. Взял он потихоньку со стола газету и спать пошёл. Как бы спать. А сам хочет прочесть, что там про папу написано. Лёг он в постель. Ночничок включил. И только тут вспомнил, что читать-то не умеет. Теперь ты видишь, мой юный друг, что любые знания полезны. Ещё не раз ты в этом убедишься.

Мальчик упорный был и не лишён способностей. Поутру утащил он у своего племянника букварь — тот хотя и здоровый детина был, но второгодник — и стал буквы учить. Ты спросишь: отчего б ему к взрослым не обратиться за помощью? Но уж такой был по характеру — до всего сам любил доходить. Постарался и за одну

неделю выучил буквы. Не веришь? Ну за две. Хорошо, за три с половиной.

Потом прочитал все вывески в округе. И вновь раскрыл газету. Заглавие Мальчик всего за полчаса осилил. Оно было такое: «Жизнью смерть поправший». Это, значит, Мальчиков папа смерть жизнью поправил. То есть, ну, победил, что ли. Не сказать чтоб умное название. А потом вот что газетчики написали. Изобрёл, мол, папа жизненного микроба, по-научному — «микробус виталис». Это Мальчик хорошо запомнил: микроб Виталий. Если Виталия в бутылочку с водой запустить, начинает он там делиться и множиться. Теперь им всю еду опрыскивают, уверяли газетчики, и люди никогда умирать не будут.

Прочитал это Мальчик и обрадовался. Больше не грустит, стал весёлый, как прежде. Не знал, что в газетах, случается, и неправду пишут. Ну, не совсем ложь, а так, наполовину.

Но люди вроде и впрямь больше не умирают. Раньше, бывало, оркестр похоронный часто играл: барабаны ухали, медные тарелки звякали. Теперь месяц за месяцем — и ни одних похорон. Кладбище рядом было, так на его месте детскую площадку устроили. Находят дети в земле черепушки, косточки и с ними в салки носят. Не все ж дети такие умные, как ты, юный мой друг. Перестали люди умирать, но пришла другая напасть. О том в следующей главе.

Глава 4 ПАПА ПРОПАЛ

Люди теперь не умирают, но вдруг пропадать стали. Днём человек здоров, вечером — бледный сидит, дрожит весь. Утром — нет его, как льдинка растаял. И куда подевался? А спросит Мальчик — ему в ответ: «Тс-с, тс-с, ты ещё маленький».

В квартире, где Мальчик жил, чуть не все истаяли. Бывало, за стол садились — тарелок не хватало. Теперь вон мама сидит — слёзы в суп роняет. Папа сидит — в задумчивости медалькой поигрывает. Няня за стенкой шаркает. А больше и нет никого. Как ветром всех сдуло — и дядей, и тётей, и братьев двоюродных, и даже племянника. А потом и бабушку, добрую старушку. Ветры в ту пору сильные в городе дули, с ног сшибали, фонари раскачивали, на разные голоса стонали.

У няни в её закутке теперь всегда лампадка теплилась, маленький такой огонёк. А Мальчику все ночи один и тот же сон снился. Дева к нему приходила, красоты дивной, в венке из розовых цветочков. Смотрела на него печально, а потом в форточку улетала.

Однажды как-то особенно грустно она на него взглянула. Проснулся Мальчик, видит: пожар, вся квартира пылает. Испугался, к маме побежал. Присмотрелся — нет никакого пожара, только свет везде горит. Люстра большая сияет, огоньки во всех хрусталиках искрятся, лампы настольные, торшеры светят. И лампадка нянина теплится. Под ней няня сидит, толстую книгу читает, губами шевелит. А рядом с ней — мама. Коса её длинная распущена, в тёмных глазах свет переливается. Мама молчит, няня тихонько бормочет. Из-под шкафов и диванов холодом веет. И сидит у стола на кресле папин костюм, рукава до пола свесил, брючины одну на другую закинул, а на лацкане медаль блестит. Нет в нём папы.

Тут няня к костюму подходит. Медальку с него отстегивает, достаёт деревянные плечики и костюм в шкаф убирает.

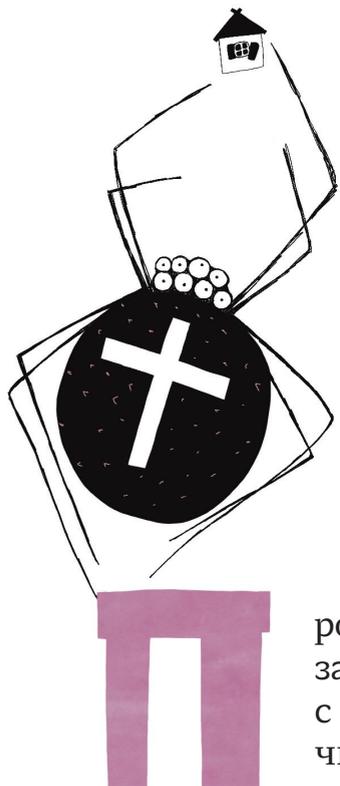
С тех пор совсем пустая стала квартира. Хоть бегай, хоть в прятки играй — никто не заругает. Но играть не с кем и ругать некому: мама из угла в угол бродит в халате и шлёпанцах, няня что-то шамкает. Тихо в квартире стало, только часы

время отбивают: блямс! блямс! А часы старинные, бьют когда вздумается и по сколько хотят.

В скверик Мальчик больше не ходит, да там и невесело. Ни ребятишек, ни детей с бабками. Только одна ведьма старая сидит, колдовские значки клюкой на земле вычерчивает. Вся расфуфыренная, на каждом пальце по перстню рубиновому. А может, так, стекляшки. На шее ожерелье из зубов человеческих.

Ты спросишь: откуда у неё такое ожерелье? Отвечу: её сынок из Африки прислал. Он там в диком племени зубным техником трудился. Голова у ведьмы трясётся, зубы клацают. И чёрные машины по улицам туда-сюда носятся.

Совсем опустел дом-ларчик. Квартиры стоят пустые, в них ветер свищет. А ночами ведьма по дому ходит, сургучные блямбы к дверям прикладывает и своим волшебным перстнем запечатывает. Ух как страшно, юный друг. Но моя быль только для смелых. Ты смелый, потому слушай дальше.

Глава 5 Нянина деревня

Прошла зима, весна наступила. Когда зацвели маки в скверике, стали мама с няней в дорогу собираться и Мальчика собирать. Сами надели пальто драповые, Мальчика потеплее одели. Котомочку ему завязали, там сухари и пшена кулёк. Потом сели в поезд и вдаль поехали.

Сперва поля за окнами летели, потом мелькали пригорки, потом леса дремучие. Ёлки белёсые стоят, словно в инее все. Как заехал поезд в самые дебри, няня машинисту говорит: «Стой, милоч, прибыли». Сперва няня на землю прыгнула, потом — мама и подхватила Мальчика. Машинист дал свисток, и поезд уехал.

А перед ними лес стоит стеной, не видно ни тропы, ни прогалинки. Взмахнула няня рукой — расступился лес, просека пролегла. А может,

Мальчик её просто раньше не заметил. Пошли они по тропинке и до деревеньки добрались. Деревенька маленькая, в лесах затерянная, домов десятка два. Там няня прежде жила, пока в город не переехала.

Ведёт их няня к самой развалюхе и дверь ключом отпирает. А в избушке — пылица с паутиной. Пауки — во какие! На спинах кресты. Взяла няня веник, паутину обмела. Разогнала всех пауков. Потом растопила печку, кашу сварила. Поел Мальчик каши и спать улёгся.

Живёт Мальчик с тех пор в деревне, а там не как в городе. Петухи кукарекают, птицы поют, лягушки квакают. По утрам он пьёт молоко парное. А в нём, мой юный друг, ты знаешь, — самые витамины.

Речонка в лугах вьётся. Вода в ней прозрачная, но коварная: ключи, омуты. Говорили, там русалка прежде жила. По ночам на берег вылезала, песенки мурлыкала, золотые свои волосы пятернёй расчёсывала. Но это давно было. Сказывают, как-то мужики приехали городские. Русалку сачком выудили, в большую банку посадили и в город увезли, в цирке показывать. Это они жестоко с ней поступили. Оттого и невлюбила речка людей — тоскует по своей русалочке.

А деревенские-то чем виноваты? Люди они в большинстве ласковые, вежливые, всегда «здрасьте» скажут. Встречаются, мой друг, и такие

деревни. Прежде там одна ведьма жила, да померла давно. А теперь словно бы все про деревеньку забыли, даже людское зло её до поры обходило. А про ведьму вот что няня рассказывала.

Тогда няня молодая была. Они с её бабкой ведьму к себе домой заманили. Сама няня будто на двор пошла, а бабка с ведьмой чай пить остались. Вышла няня за порог и ножницы в дверь снаружи вонзила — не любят этого ведьмы. И ещё иголок в дверь напыряла. Заходит обратно в горницу. Ведьма чай не пьёт и руками по себе шарит, словно у неё внутри печёт. Бежать хочет, да никак дверь не откроет. Тогда подпрыгнула как лягушка и — в окно.

Пошла няня наутро её проведать, а та под одеялом драным лежит. Просит: «Кинь меня, голубушка». Няня опрометью домой. Недели не прошло, как померла ведьма.

— А куда кинь? — Мальчик няню спрашивает.

— Куда б никуда, хоть бы на пол, — отвечает.

— И тогда что?

— Сама ведьмой бы сделалась. Им перед смертью надо колдовскую силу отдать, чтобы душа успокоилась. А так нет покоя горемычной.

Но всё-таки приняла, видать, няня капельку колдовского знания. Она по лугам ходила, собирала травки и корешки. Отвар из них варила и поила Мальчика. Тот, как попьёт, разом на вершок подрастает. Широкоплечий стал, сильный,

на кулачки двоих побивал. Жить бы ему да жить в деревне, если б не пришла беда. Но сначала я про другое расскажу.

Глава 6 ТЁТКА ТОСКА

Жила в деревне одна старушенция. На ведьму похожа, но добрая. Только странная: плоская вся, в чёрном платье, в ботиках чёрных на каблучке. На ухе пенсне болтается. Папироски, как мужик, одну за другой смолит. (Это, ты знаешь, юный друг, вредно для здоровья. Сам скоро брошу курить, обещаю тебе.) И всегда у неё под рукой чёрный саквояжик.

Сидит она целый день на завалинке и только одно слово произносит: «Тоска-а-а». Жалобно так, протяжно: «Тоска-а-а, тоска-а». Её и прозвали тёткой Тоской. Но без злобы, потому что она добрая. И вот почему добрая.

Деревенские рассказывают, что, когда она молодая была (трудно поверить, но все когда-то

молодыми были), злых людей ненавидела люто. Как злодея увидит, сразу бомбу достаёт и в него бросает.

Во всем государстве забоялись злодеи дурные дела вершить. А пуще всех царь перепугался. Тогда ещё царь страной правил, злой он был — ужас. Заперся царь в своих палатах на два замка да на три щеколды. Сидит, нос оттуда боится высунуть. А сыщикам своим велел девушку ту поймать и ему на суд представить. Долго её сыщики ловили, пряталась она по чердакам и подвалам, а добрые люди ей помогали. Наконец нашёлся очень хитрый сыщик. Изловил он женщину и к царю приводит.

А времени-то много прошло. Прежний царь умер — по слухам, огурцом подавился. Заходят они в главную залу, а там другой царь сидит. С виду вовсе не злой, а вроде как добрый. И простой совсем, простоватый. Не на троне сидит, а в кресле, и не корона на нём, а мягкая шляпа. Встаёт он с кресла, к женщине подходит и обеими руками к сердцу её прижимает. Потом глаз прищурил и говорит:

— Спасибо тебе, сударыня, за твою доблесть. Держи главный орден. — И бриллиантовую цацку ей на шею вешает. — Теперь, — говорит, — отдохнуть тебе пора. Поезжай в деревню, дыши чистым воздухом, живи на покое. А всех злодеев мы и без тебя порешим.

Так понимаю, что и новый царь её опасался.

Не то чтобы тётка ему совсем поверила, но ей и опомниться не дали. Отвезли её сыщики в самую дальнюю деревню, там и стала она Тоской. А бриллиантовый орден у неё по дороге спёрли. Не все ж люди честные, верно ведь? Только и остался у тётки чёрный саквояжик.

Мальчику-то хорошо в деревне жилось, а мама его совсем загрузила. Раньше она большая была, красивая, высокая. Теперь немного сторбилась, поседела, почти старухой стала. Бывало, к тётке Тоске на завалинку присаживалась. Рядом сидят и молчат, вдаль смотрят. Выдохнет тётка своё слово заветное, а мама ей тихо губами подшепчет. Прокартавит тётка по-инострannому, а мама ей в ответ кивнёт. Так и сидели.

Как-то разбудила няня Мальчика с утра пораньше. Молока плеснула ему из кринки. Потом даёт в руку туюсок и говорит:

— Сходи-ка ты в лес, грибов набери. Мы их на зиму засолим.

Удивился Мальчик: прежде его в лес одного не пускали, больно дремуч лес тот. Няня, видать, наперёд беду почуяла.

— А мама не заругает? — спросил Мальчик.

— Ты мамку не буди, — няня ему говорит. — Она всю ночь промаялась, под утро только заснула. Ты с ней молча попрощайся и в лес беги.

Подходит Мальчик к маме. Красивая она лежит, волосы пепельные по подушке разбросаны. Дышит ровно, чуть с присвистом. Поцеловал он маме руку, ту, на которой кольцо обручальное, и в лес пошёл.

Бродит Мальчик по лесу, а грибов не находит. Видно, не пришла пора. Только мухоморы одни с белыми пупочками. И лес тёмный, неухоженный, мёртвые деревья вповал лежат. И тропинки все перепутаны. Заблудился Мальчик, словно его лешак водит.

Вдруг слышит он ровный шорох: шух-шух-шух. Зверь так не шуршит, но ведь и человек иногда страшнее зверя бывает. А в том лесу, говорят, беглые каторжники селились. С топорами разгуливали, в красных рубахах, верёвкой подпоясанные.

Припал Мальчик к земле, осторожно из-за дерева выглянул. А там на поляне тётка Тоска прохаживается, траву косит. У неё здесь делянка была.

Пенсне у тётки на ухе туда-сюда мотается. Выкосила она всю поляну, косовище травой obtёрла и в землю черенок воткнула. Золотится солнце на лезвии. Потом на скошенную траву присела, устала, видать. Заплетённые в косицу волосы у неё венчиком на голове уложены. Распустила тётка венчик, косицу по земле расстелила. Тонкая она у неё, но как змея длинная. Тётку Тоску

ему чего бояться? Он ведь не злодей какой-нибудь. Вышел Мальчик на полянку.

— Привет, — кричит, — тётка Тоска, я есть хочу!

— Поешь, — говорит, — Мальчик. — И сухонькой своей рукой мухомор срывает, Мальчику протягивает.

Не хочется Мальчику ядовитого гриба отве-дать, но посмотрел он на тётку Тоску — и вдруг ему стало боязно. Глядит она строго, а лес глухой, места безлюдные. «Ладно, — думает, — пожую и выплюну». И откусил белую пупочку.

Тут у Мальчика искры из глаз посыпались и стали парить в воздухе. Каждая искорка звучащая была, и заиграла музыка дивная. Стал Мальчик вырастать и раздуваться. Стал он огромен, как целый мир, и головой в небо упёрся. Тётка Тоска вокруг него птицей вьётся, взмахивает чёрными рукавами. Как дорос Мальчик до самых небес, так оттуда на землю больно шмякнулся. А рядом тётка Тоска сидит и усмехается.

Теперь ты понимаешь, юный друг, почему нельзя есть мухоморы. Да тебе бы наверняка это и в голову не пришло. Надеюсь, она этот гриб ему сослепу подсунула.

— Спасибо, тётенька, — говорит Мальчик, — накормила. Теперь я домой побегу, к маме.

Та грустно на него посмотрела и говорит:

— Нет у тебя, Мальчик, дома, и мамы нету. А тебя я спасу, ты со мной пойдёшь.

— Ан не пойду.

— Тогда я тебя силком, — говорит и косицу свою вокруг его шеи узлом затягивает. И ещё добавила: — Никого больше на земле нету. Остались одни леса дремучие. По ним псы одичавшие бродят, кровушки твоей хотят.

Не успел Мальчик испугаться, как совсем близко мотор зафырчал. Дорога оказалась рукой подать. «Обманула меня тётка Тоска», — подумал и хотел к людям бежать. Но тётка на него змеёй зашипела.

— Сиди, — цыкнула, — где сидишь!

А сама, чуть пригнувшись, к дороге поспешила. За ней и Мальчик украдкой.

Глядит: пылит по дороге машина грузовая, а на ней люди с ружьями. Разгребла тётка валежник, пулемёт выкатывает — и ну по тем садить очередями. Они машину остановили, на землю попрыгали и за кочками все залегли. По ней из ружей стали пулять.

Только кто из них голову поднимет — тётка на ручку жмёт, и пулемёт — тра-та-та. И так до последней пули... Потом на дорогу выходит, руки подняла: мол, сдаюсь. В зубах папироску курит, а саквояжик у ног пристроила.

Те к ней сразу кинулись. Тогда достает тётка Тоска из саквояжа бомбу, папиросой ей фитиль поджигает — и прямо себе под ноги. Трах-бабах-

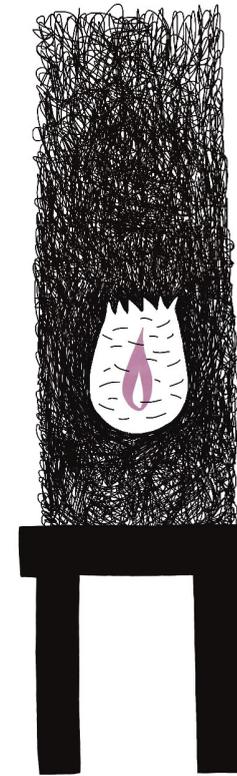

тар-рарах! — и нет никого на дороге: ни тётки Тоски, ни людей с ружьями. Только её пенсне на суку раскачивается.

Бросился Мальчик бежать по дороге пустынной — и вот уже крыши деревенские видны.

Глава 7 ЗЕМЛЯНОЙ ХОЛМ

рибежал Мальчик в деревню. Видит: тихая деревня, странная. Трубы не дымят, окна в домах побиты, двери нараспашку. Вбегают он в свою избу. «Мама! — кричит. — Няня!» Нет никого, только

нянина лампадка в углу теплится. Обошёл Мальчик всю деревню, в каждый дом заглянул — нету людей, одни тараканы по стенам ползают. Вышел он за деревню, в поле. А там холм земляной за день вырос. Пар от него идёт, а на верхушке ворона сидит, каркает, на тётку Тоску похожа. Тут понял Мальчик, что никогда больше он мамы с няней не увидит, и заплакал от горя.

Вдруг слышит Мальчик: в крайнем домике словно кто мяукает. Подумал: «Может, хоть

котёночек остался». Заходит он в избушку, но и там пусто. Только под кроватью кто-то попискивает тихонько. Заглянул Мальчик под кровать, а оттуда Розка вылезает.

Она подкидыш была. Нищенка проходящая её подбросила. А когда малышке кулачок разжали, видят: на ладошке — розовый лепесток. Пригрели её добрые люди и назвали Розой. Вечно она по деревне ходила замурзанная и сопливая. А Мальчик и ей рад.

Бледненькая она такая была. Говорили, у неё глисты. Это, юный мой друг, оттого, что она руки не мыла. А ты моешь руки перед едой? Я вот, например, мою и перед, и после. Даже ночью встаю помыть руки, всю кожу стёр до дырок. Так меня с детства приучили. Да шучу, шучу. Мою, как все нормальные люди, раз пять-шесть в день, не больше. Всё хорошо в меру.

Стал Мальчик Розку расспрашивать, тормошить. А она дрожит только и глазами хлопает: чужие, мол, приехали, с перепугу залезла под кровать, ничего не знаю и не ведаю.

Ну что ж, вечереет уже. Страшно в пустой деревне, надо к людям идти. Взял Мальчик свою котомку и ещё меч деревянный. Меч этот вот как Мальчику достался.

Захотел он себе оружие сделать из крепчайшего дерева, чтобы в бою не подвело. А вокруг деревеньки все деревья были гниловатыми

и трухлявыми. Пощупает Мальчик кору — она под руками крошится. Смотрит — на опушке стоит дерево могучее, всё в зелёных листьях. Только один голый сук торчит. А на суку том сидит ястреб, своим круглым глазом на Мальчика зыркает. «Вот бы из чего меч сделать», — подумал.

Бросил он в ястреба камень, чтобы согнать с дерева. Взлетела могучая птица ввысь, а потом на Мальчика кинулась, в глаза ему когтями целит. Отогнал её Мальчик. Вновь поднялся ястреб в небеса и оттуда камнем на Мальчика ринулся. Теперь в темя норовит вцепиться. Снова Мальчик его отогнал, а тот опять на него с вышины падает.

В третий раз прогнал Мальчик ястреба. Парит он в синем небе, крыльями не шевелит.

Тогда срубил Мальчик сук топориком, меч из него вырезал, узором изукрасил. И научился хорошо мечом орудовать. Бывало, на луг выйдет, всем одуванчикам головки посшибает, а те белым соком сочатся.

Взял Мальчик Розку за грязную ручонку, и пошли они. Мимо конюшни идут, оттуда ржанье раздаётся. Заглянули — кобыла там стоит, тощая, рёбра видны. Взял Мальчик клячу под уздцы, из конюшни её вывел.

Затем взглянул он последний раз на деревню, рукой махнул на прощание. А ворона на суку «кар-р» говорит. Он и вороне махнул: «Прощай,

тётка Тоска». «Мер-рси», — каркнула в ответ ворона и улетела.

Вскочил Мальчик на свою кобылу, а Розку впереди себя усадил. И поскакали они. Да как — поскакали? Поплелись, лучше сказать. Лошадь шаг ступит и встаёт — ни тпру ни ну. Мальчик пятками её по бокам лупит, мечом по заду хлопает. Тогда ещё раз шагнёт.

Долго они ехали, но добрались всё-таки до ближней деревни. Уже совсем свечерело, звезда первая в небе зажглась, и месяц острым краем тучи режет. Подходят дети к одной избушке, тихо в окно стучат. В том домике почтальонша жила. Она письма носила и к няне забегала лясы поточить.

Открыла почтальонша дверь и смотрит, словно не узнаёт.

— Ты, мальчонка, — спрашивает, — чей будешь?

— Я из ближней деревни, тётенька. Мы с мамой из города приехали.

— Да кто ж, — тётка говорит, — тебя, такого молодого, врать выучил? Ближнюю деревню придумал. Сроду здесь живу — ни одной деревушки вокруг, леса да болота.

— Сама врешь, тётка! — это уже Розка встряла.

— Вот тебе, — та говорит, — сопливая, святой истинный крест.

И со лба до пупа всю себя перекрестила. Потом к чему-то мужика своего из горницы позвала.

Тот старикашка был глуховатый и придурочный слегка: на войне ему пуля в лоб попала. Он: «Э-э-э, мэ-э-э», — ничего понять не может. Так и ушёл в горницу. И тётка за ним вслед. Только охапку сена детишкам выбросила. Говорит:

— Пospите до утра, а там чтоб духу вашего не было. Ещё чего сопрёте, попрошайки.

Ну и мерзкая тётка! Это Мальчик подумал. А потом заснул. И вновь женщина ему явилась красоты неопиcуемой. И вроде на маму похожа, а вроде не она.

— Ты мама? — Мальчик у неё спрашивает.

— Мама, — отвечает.

— Так убили ж мою маму.

— А у меня, — говорит, — сыночка убили.

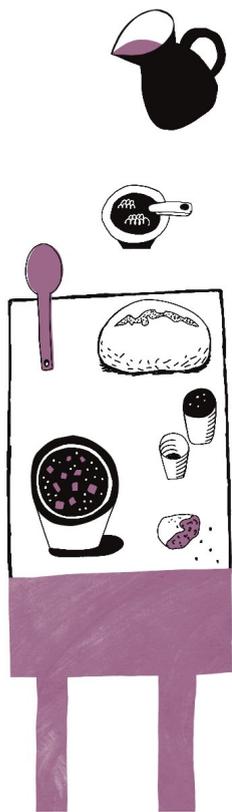
— Так жив я, мама.

— И он живой, — сказала женщина и уходит стала, в лунном луче в небо возноситься.

— А звать тебя как? — Мальчик ей вслед крикнул.

А та уже издали, тихо:

— Машей звать, Машей.

Глава 8 ДЕТИ СТАНОВЯТСЯ НЕВИДИМКАМИ

роснулся Мальчик утром туманным. Петух ему хозяйский в ухо кукарекнул да ещё в нос клюнул. Трёт Мальчик голову, всё вспомнить пытается, к чему покойники снятся — к ненастью или к хлоп-

там. Няня ему объясняла, да он позабыл. Взял Мальчик клячу свою под уздцы, Розку разбудил, и пошли они по деревне. Люди им встречаются, но словно детишек не видят. «Неужто, — думает Мальчик, — мы за ночь невидимками сделались?» В лужу он поглядел и Розку поглядеться заставил. Чистая лужа, никто в ней не отражается.

Понял тогда Мальчик, что зачаровали его, чтоб ни единому существу виден не был. И Розку с ним вместе. То ли та злая баба их сглазила, то ли добрая сила упасает — и не поймёшь.

«Может, я и вовсе помер», — Мальчик думает. Но если думает — значит, жив. Да и дурачок деревенский детишек увидал и заплакал горько. Он обсосанный сахарок изо рта вынул и Розке отдал. Ещё у Мальчика от голода кишки ноют. Значит, жив точно. И Розка канючит: «Кушать хочется».

Заходят они, невидимые, в избёнку. Там дед с бабкой сидят, кулеш трескают. Мальчик тоже за стол уселся, тарелку к себе пододвинул. Смотрит дед: тарелка сама собой по столу путешествует — и удивился сильно. А Розка у него ложку прямо из руки выхватила. Глядит дед: ложка сама по воздуху парит. И последние волосинки у него на голове дыбом встали.

А бабка-то подслеповатая была, знай себе кулеш уписывает. Сплюнул дед через левое плечо, чтоб домового отогнать, — и ну за ложкой по избе гоняться. А Розка его поманит да увернётся. Умаялся дед. Хотел опять через плечо плюнуть, но от беготни у него во рту пересохло. Махнул он рукой и полез на полати.

Прожили детишки в деревне с неделю. Питались сытно, все дворы обошли, чтоб одних хозяев в расход не вводить. Пора и честь знать — стали они в путь собираться. Опять в каждую избу заглянули: у кого маслица взяли, у кого сальца, у кого яичек. Это, юный мой друг, они плохо

поступили. Но ты с папой-мамой живёшь, а они сиротинки, одни на всём белом свете.

Сложили дети всё в торбочку и свою кобылку кликнули. А кобыла — она, должно быть, тоже стала невидимой — на чужих харчах ух как отъелась. Блестит вся, лоснится. Вскочили дети на кобылку и вдаль понеслись.

Видят: разбойники на дороге мужичка грабят. Тот с базара ехал, так они телегу остановили, из обрезанных ружей ему в сердце целят. А у самих рожи дикие, волосом рыжим заросли.

Мальчик с кобылки соскочил, выхватывает свой меч деревянный и бьёт без промаха — разбойнику прямо в лоб. Тот брык и лежит. Розка тут как тут: к другому подбегает и босой пяткой ему в живот — раз! Повалился разбойник наземь, а его ружьё само вверх выстрелило. Оттуда ему подстреленная галка на голову шлёпнулась. Аж взвыл разбойник от ужаса — и тоже лежит, не шевелится. А мужичонка мелкими крестиками перекрестился, стегнул свою лошадку — и дёру.

Сняли Мальчик и Розка с разбойников их кожаные ремни и портупейки, накрепко ими руки злодеям связали и на дороге лежать оставили. А ружья их об дерево шарахнули вдребезги. К чему они им? Затем на свою кобылку опять вскарабкались и дальше помчались.

Глава 9 СТАРЕЦ

одъезжают детишки к озеру. Оно глубокое, вода в нём синяя. Облака по сини плывут, и ветер воду не колышет. А на берегу старец сидит. Голова у него длинная, лоб чистый, только одна прядка посередь лба свешивается. Перед старцем расстелен белый платок, а на нём ржаной хлеб ломтями, сольцы горсть, яичко облупленное и молока кружка.

Задумали дети подшутить над старцем. Слезли со своей коняги, к нему подходят. Мальчик кус хлеба с платка берёт, Розка — яичко облупленное. Посмотрел на них старец голубым своим взором и говорит:

— Кушай, мальчик, кушай. И ты угощайся, роза красная.

— Ты что ж, видишь нас, дедушка?! — это они оба разом воскликнули.

— Всё я, детки, вижу: и глубины морские, и высь небесную, и ангелов Божьих, словно вас вот.

— А как зовут тебя, дедушка? — Мальчик спросил.

— Как тебя, — отвечает, — так и меня.

А Мальчик-то позабыл своё имя. Его все малышом звали, мальчуганом, парнишкой, сыночком. По имени редко кто.

— А меня как? — Мальчик спрашивает.

— Я тебе, — говорит старик, — на ухо шепну.

Приблизил губы к его уху, бородой пощекотал и слово произнёс. Узнал Мальчик своё имя.

Попили-поели, старик говорит:

— Будет вам, детишки, невидимками ходить. От жизни всё равно не спрячетесь. Пойдём-ка, — сказал, — роза красная.

Берёт Розку за руку, к озеру подводит, свою руку в воде обмакивает и ей по лицу проводит, а потом ещё по волосам. Рожица у Розки была замурзанная, а когда вода голубая всю грязь и сопли с неё смыла, оказалась Розка красивой девочкой. И глазёнки её засверкали.

Потом и Мальчика старец обмыл, чистую рубаху ему подарил, рукой волосы пригладил. А потом пук травы нарвал, смочил в озере и конягу начисто вымыл. Стали они видимыми.

Только закончил — тучи собрались, гром прокатился, молнии в небесах воссияли, и ливень грянул.

— Пойдём, — говорит старец, — от дождя схоронимся.

Над озером маленькая церковка стояла, маковка её в воде купалась. Укрылись дети со старцем в церкви, а кобылу к стенному кольцу привязали.

В церковке ни единой иконы и свечки не горят. Мешки пыльные повсюду навалены, сапожищами натоптано. Стены все божественными образами расписаны, но облупились они: где только рука осталась, где — нога. Только лик один под самым куполом сияет, девы пречудной, что Мальчику во снах являлась. Как есть нетронутый.

— Кто она, дедушка? — интересуется Мальчик.

— Это Матерь Божья, Пресвятая Дева Мария, — отвечает. — А ты теперь спи, мальчик.

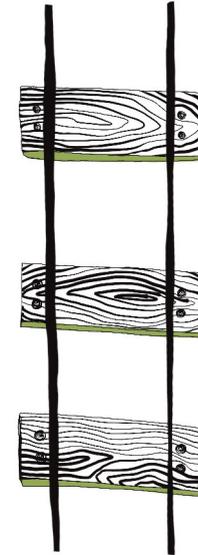
Повалились дети на пыльные мешки. Обнялись, чтоб теплее было, и заснули. Проспали всю ночь без единого сновидения.

Утром просыпаются — нет старца. Розка говорит:

— Куда дед-то подевался? Не свёл ли нашу кобылку?

Вышли детишки из церкви. Видя: мир Божий солнцем сияет, в небесах радуга переливается

всеми цветами. А по синим водам озера тот старик идёт и в воде не тонет. Меньше, меньше делается — и пропал вовсе...

Глава 10 ОСТРОВ МЁРТВЫХ

Влезли дети на свою кобылку и дальше поскакали. Наконец добрались до железной дороги. А по рельсам — чук-чук-чук, ту-ту — поезда ходят, вагоны открытые тянут. А на тех вагонах — пушки, бомбы, машины военные. И солдатики на них едут, песни поют, на губных гармошках наигрывают. А стрелочник поездам два флажка показывает: один жёлтый, другой красный.

Подъезжают детишки к стрелочнику, Мальчик спрашивает:

— Отчего поезда пушки и солдат везут?

Тот свою фуражку за лаковый козырёк приподнял, средним пальцем лоб почесал и говорит:

— Ты, малый, с луны, что ль, свалился? Мы уж почитай два месяца с врагом воюем.

Тут конный отряд прискакал. Впереди командир с флагом. Стрелочник принялся ябедничать.

— Какой-то, — говорит, — этот мальчонка подозрительный. Может, он вражеский шпион, рельсы взорвать хочет.

Командир окинул Мальчика молодцеватым своим орлиным взором.

— Ну, шпион, — говорит, — должно быть, не шпион, мал ещё. А вот коняга у него добрая. Отдавай, мальчик, свою кобылу, я её на войну забираю.

Ускакал отряд и кобылу с собой увёл. Стоит Мальчик растерянный, слёзы у него капаят, и Розка рядом подвывает тоненько. А стрелочнику, видать, и самому стыдно стало.

— Куда, — спрашивает, — детишки, путь держите?

Не хочет Мальчик с ним беседовать, отворачивается. Розка ему язык показала. А тот говорит:

— Сейчас мимо самый дальний поезд пройдёт. Сядете в него, и отвезёт он вас хоть на край света.

Тут же поезд из-за леса — чук-чук-чук. Поднял стрелочник красный флажок. Пыхнул паровоз паром и останавливается. Залезли Мальчик с Розкой в теплушку, на лавку улеглись и поехали.

Поезд тот и впрямь был самый дальний. Едут детишки день, едут месяц, целый год едут. Питаются тем, что люди добрые подадут. Не жировали, но и с голоду не померли. Как-то просыпаются

оттого, что машинист их за плечи треплет. Стоит он перед ними весёлый, весь паровозным маслом перепачканный и говорит:

— Стоп машина, самый край света, все рельсы закончились.

Сошли дети с поезда. Видят: океан перед ними. Волны огромные ходят, берег весь в пене морской, а другого берега не видно. И зверь водяной клыкастый на берегу лежит, хвостом пену пахтает. Верно, самый край света, нету дальше пути. А поезд-то назад уехал, только рельсы гудят.

Пошли дети обратно по рельсам железным, по шпалам деревянным. Но рельсы переплетаются, ветвятся, верного пути не сыщешь. Забрели дети в самую глушь лесную. Вдруг слышат: топорами дерево рубят. Обрадовались детишки: значит, человек рядом. Да какая ж радость?

Бегут они туда, откуда топоры слышатся, а кругом ни единого деревца. Пни только, да земля вся щепками устелена. Видят: вышка деревянная, на ней военные люди с ружьями. И псы брешут цепные. А вокруг вышки другие люди, одетые во всё полосатое, лес рубят.

— Черти, черти, — шепчет Розка и быстро-быстро перекрещивается.

А люди и вправду на людей не похожие. Не лица у них, а черепашки, чёрной кожей обтянуты. Не туловища у них, а скелеты. Бежать надо. Тут один скелет свою голову-черепашку

к Мальчику повернул. Смотрит Мальчик и глазам не верит: это отец его пропавший. Худой только очень.

Отец Мальчика тоже узнал и закричал жутким голосом. Тут псы забрежали злобные, ракеты сиреневые в воздухе вспыхнули, как на празднике. А солдаты с вышек стали в Мальчика и Розку из ружей бабахать. Тут бы им сразу убежать, а ноги не слушаются.

Вдруг с небес — свечение розовое. В нём Матерь Божья с неба спускается. Руками своими белыми она пули подхватывает и складывает в голубое лукошко.

Дети наконец опомнились и убежали. Бегут они по лесу, Мальчик сквозь сухие ветки мечом прорубается. Так и добрались до великой реки. Вода в реке тёмная, холодная. А на другом берегу огоньки мигают. То ль рыбаки костры жгут, то ль разбойники.

Идут дети по берегу. Видят избушку. «Наверно, — решили они, — домик рыбацкий». Зашли в избу, на пол повалились и уснули оба. Устали очень.

Приснилась Мальчику нарисованная картина, которую прежде в городе видел. Называется «Остров мёртвых». И он во сне подумал: «Наверно, умер мой папа».

Глава 11 АТАМАН

росыпаются дети среди ночи. За столом сидят люди, гранёными стаканами из бутылки брагу пьют и дикими голосами регочут. На разбойников похожи. Кричит их атаман Мальчику:

— Деньги-то, кудряш, отдавать будешь?

— Нет у меня денег, — отвечает Мальчик.

И на атамана посмотрел. Глядь, а это тот самый попрошайка из города, только брюхо себе отъел. Сидит подбоченясь, в красной шапке набекрень. «Убьют», — подумал Мальчик.

Атаман своим пронзительным взором как в душу ему заглянул. Говорит:

— Не лиходеи мы, к чему нам тебя убивать?

— А может, и зарежем, — говорит другой бандюга.

— Зажарим, — поддакнул третий.

— И сожрём с картошкой, — ещё один сказал.

Вскричал атаман:

— Цыть, шаромыги! На благодетеля своего руки не подниму! — И Мальчику: — Ты, — говорит с усмешкой, — за бабушку свечку в церкви поставь. Не жить бы тебе, кабы она не подала мне по твоей милости копеечку.

Тут заржали все тати, зубы оскалили.

А Розка пискнула:

— Ты, дяденька, разбойник?

— Не слушай их, — отвечает, — мы люди мирные. — И Мальчику: — Ты, мальчуган, пока спи дальше. Утром с тобой побалакаем.

Разбудил атаман Мальчика ранним утром. Шайка вся спит, носы в стол уткнули, храпят могуче, свищут. Бутыль допитая на боку валяется.

Выводит атаман Мальчика из домика, лесом ведёт, перелесками. Приводит на поле огромное. А поле горит-полыхает — всё красными маками поросло. Стоит Мальчик, любитесь. Атаман же рукой вокруг обвёл.

— Вот, — говорит, — моё богатство.

Роса с цветов испаряется, вьётся над полем лёгкий пар. Он с запахом цветочным перемешивается и льётся Мальчику прямо в ноздри. Голова

у него закружилась. Атаман его подхватил, а так упал бы.

Говорит атаман:

— Дело тебе вот какое будет. Только свечереет — поплывём мы с тобой к другому берегу на лодке. Там уж иная держава. К берегу пристанем, я тебе мешочек дам.

— А что в мешочке-то? — Мальчик спрашивает.

Атаман говорит:

— Меньше знать будешь — проживёшь дольше, и сестрёнка твоя. — Затем продолжает: — Там пограничники на конях гарцуют. Чужих ох не любят. Но ты ужом проползёшь до самого перекрёстка дорожного, где два деревца растут. Там тебя человек встретит. Ты мешочек ему отдай, а кулёк у него заberi. И мне принесёшь.

— А как человека узнаю? — Мальчик его спрашивает.

— Узнаешь, — атаман смеётся. — У него башка вся бритая, а на затылке длинная коса болтается.

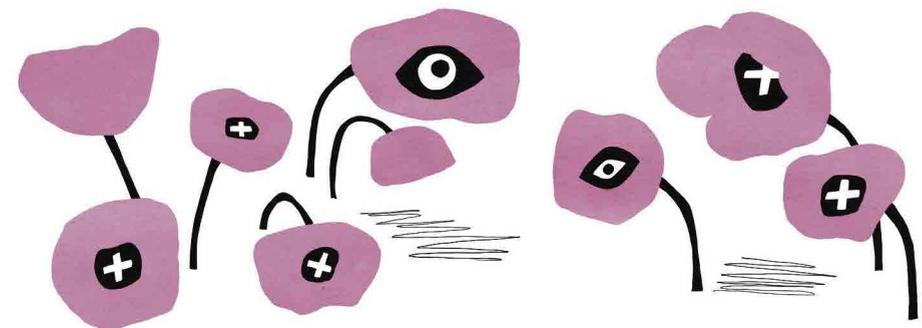
«Чудак какой», — подумал Мальчик.

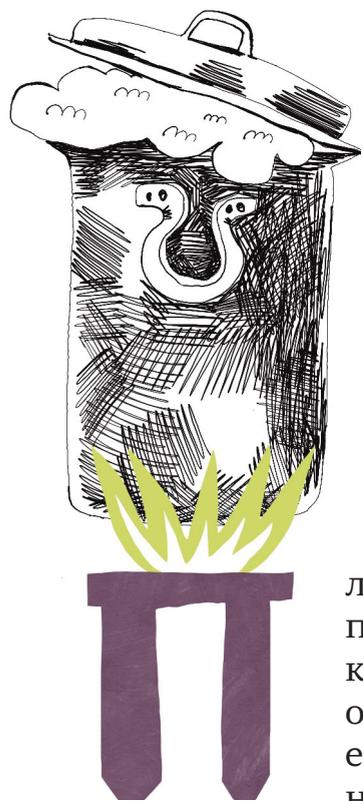
— А коль поймают, что мне сделают? — спросил.

Атаман отвечает:

— Ну чего тебе, мальцу, сделают? Плёткой слегка поучат и обратно на лодке свезут. А про меня пикнешь, — атаман ощерился, — хоть под землёй сыщу и язык твой поганый отрежу. — И нож показал.

Мальчик-то, конечно, понял: кто их знает, разбойники не разбойники, но делишками они дурными занимаются. А что поделать? Идти ему некуда, родных никого, ножик у атамана острый. Остался он жить в избушке.

Глава 12
**МАЛЬЧИК ТЕРЯЕТ
СВОЮ РОЗУ**

Плавают Мальчик с атаманом по ночам на лодке, а Розка на всех кухарничает. Бойкая, дельная оказалась девчонка. Полюбили её разбойники. При ней не сквернословят, не охальничают, грязными сапогами в избе не топчут, ходят в белых портяночках.

Как вино пить соберутся, Розка нальёт всем по чарке, поднесёт каждому своими перстами, а бутылку в шкафчик уберёт.

Прибился к разбойникам странный человек: жёлтый весь, косенький, маленький такой, и молчит всегда. Те как вечерять сядут, так и начинают громкими голосами друг перед другом

бахвалиться. А он сидит, ножки сжал, руки на колени положил — и молчок.

Поднесёт ему Розка щей, человек всю миску выхлебает, а потом её оближет. Скажешь, юный друг, что это неприлично? Но, видать, ему в своей жизни наголодаться пришлось.

Ещё он толстую книгу читал. Книжка не нашенская, не буквы там, а закорючки одни. Мальчик интересуется:

— Откуда ты, мил человек, и жёлтый отчего? Не больной ли?

— Си того белега, — отвечает. — А что жёлтый, так там, — объяснил, — все такие. — И опять молчок.

Привлекают Мальчика закорючки удивительные. Просит он человека:

— Обучи меня всем твоим знакам и закорючкам.

Мальчик-то учиться любил, да ему негде было. Мы с тобой, юный друг, это поменьше любим.

Обрадовался человек, мелко-мелко закивал. И с тех пор стали они знаки учить. Мальчик потом узнал, что их иероглифами называют. В той стране, которая за рекой простирается, они вместо букв. Но каждый целое слово означает. Потому их великое множество. Видишь, юный друг, как нам повезло, что букв в нашем алфавите кот наплакал. А некоторые ещё и «ё» не считают отдельной буквой. Тогда их всего тридцать

две выходит. Мальчик же учит иероглифы месяц, другой, никак они у него в голове не помещаются.

Даже по ночам стали сниться. Начертана на белой стенке надпись. Уже и разобрал он её, но закорючки как червяки шевелятся. Раз — и уже совсем другое написано.

Ну да заучил он все знаки или почти все. И книгу прочитал. Называлась она «Разведение зернобобовых растений в условиях высокогорья». Если не понял название, ты у мамы спроси. Умная книга. Её учёный агроном сочинил.

Так незаметно год прошёл. Потом другой. Затем, может, и третий. Кто их подсчитывал?

Сидят как-то разбойники под вечер, чай из блюдец дуют, Мальчику на Розку подмигивают: невестушка, мол, у тебя справная. Мальчик Розку как сестрёнку родную полюбил, но ведь пофорсить-то надо. Не так ли, мой юный друг? Он и говорит:

— На кой она мне, сопливая?

Да-а, юный мой друг, поживи-ка с разбойниками — ещё не таким выражениям научишься.

Поглядел Мальчик на Розку искоса. Видит: куда сопливая-то Розка подевалась? Стоит уже барышня и красавица писаная. Глазками поводит лукаво, без обиды.

Заглянул Мальчик в её глаза ясные и себя там увидел. И Мальчика-то уж нету: сидит за столом

красавец юноша, кудри русые вьются, плечи могучие. Давно Мальчик своего лица не видал: в хибаре той ни зеркального осколочка, а в реке вода тёмная — ни дна не разглядишь, ни человеческого образа. Юношей стал, но я всё равно его буду называть Мальчиком. Уж по привычке.

А Розка вспыхнула, покраснелась вся, махнула тряпкой на зубоскалов и к печке поспешила. Каша, мол, там у неё пригорела.

И вдруг слышно стало: в лесу псы лают и железо лязгает. Прислушался атаман чутким своим ухом. Потом как на свечку дунет! Изба в темень погрузилась. И заорал хрипло:

— Полундра! Врассыпную!

Кинулись к двери разбойники. И Мальчик из домика выбежал. Ищет он Розку, кличет, но вокруг мрак непроглядный. Только псы на его голос кинулись. Бежит от них Мальчик туда, где река поблёскивает. Ближе они, ближе, вот-вот за пятку его цапнут. Да уж и обрыв. Прыгнул Мальчик в воду и поплыл к другому берегу. А меч он в избушке позабыл.

Плавать-то он неплохо умел, но река широкая, и плыть в темноте не видно куда. А с берега ещё пулемёт стрекочет. «Не доплыву», — подумал Мальчик. Лёг он на спину, руки раскинул и отдался на волю реки.

Глава 13 Поэт ловит луну

ринесла Мальчика река сама на другой берег. Лежит он на отмели, воду выплёвывает, нахлебался всё же. Всю изо рта выплюнул, видит: стоит человек по колена в воде и дурью мается. Хотя и не женщина, а в цветастом халате, на нём птицы и всякие звери вышиты. Он из реки нечто сачком вылавливает. Достанет пустой сачок, посмотрит на него пристально, рукой пощупает. И опять воду цедит.

Потом он сачок отбросил и на глубину полез как был, в халате. Горстями воду зачерпывает и на берег выбрасывает. Так заработался, что поскользнулся — и вот уже тонет.

Мальчик снова в речку прыгнул и чудака за шиворот из воды вытащил.

— Ты псих? — спрашивает. Хорошо, что он вместе с иероглифами иноземный язык выучил.

— Нет, не псих. Я поэт, — ответил незнакомец гордо. — Тот, кто стихи сочиняет.

— Обманываешь, — Мальчик ему говорит, — кто сочиняет, все давно померли.

— Хочешь, докажу?

— Не докажешь.

— Ну вот слушай. Стих. Только сейчас придумал:

О юный месяц,
Едва мой сачок
Ты острым краем не порвал.

— Ну и что? — спросил Мальчик.

— Ничего, — отвечает, — стих.

— Так и я могу.

— Попробуй, — предложил поэт.

Думал Мальчик, думал, всю голову сломал.
Наконец придумал. Произнёс:

Несчастный я человек.
Потерял маму с папой.
А теперь ещё мою Розу.

— М-да, — говорит поэт, — на первый раз неплохо. А другой сумеешь?

— Нет, — отвечает Мальчик, — больше ничего со мной важного не случилось.

А тот снова за сачок взялся. Мальчик ему кричит:

— Ну ты, дурень... поэт!.. Как тебя там? Не умеешь плавать, так не суйся в воду.

Поэт отвечает:

— Я сейчас, только вот луну выловлю.

— А зачем тебе луна-то?

Поэт не объяснил толком.

— Нужна очень, она красивая, — говорит и опять в реку собрался.

Тут Мальчик сачок у него вырвал. Понял поэт, что не сладить ему с Мальчиком. Берёт кожаную торбочку, вынимает оттуда прозрачную бутылку. Там корешок плавает, похожий на крошечного человечка. Махонькие белые чашечки достает и плеснул в них из бутылки. Одну чашку Мальчику подал:

— На, согрейся.

Попил Мальчик из чашечки, и словно соловьи у него в душе запели. А кишки будто огнём припекло. Забыл он все горести и печали.

— Ещё, — попросил, — налей.

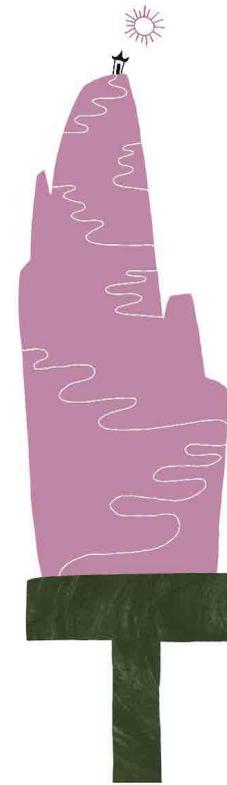
Так сидели они с поэтом всю ночь, пока бутылочку не выпили. Пели, стихи сочиняли. Мальчик ему всю свою жизнь рассказал. А тот нет-нет и за сачок схватится, но Мальчик у него отбирал. Потом и луна скрылась, солнце выглянуло. Тогда спросил поэт:

— Видишь, на горизонте гора высится?

— Вижу, — Мальчик отвечает.

— Там на вершине мудрый старец живёт. Иди к нему, он и тебя мудрости научит.

Распрощался Мальчик с добрым поэтом. Сачок с собой захватил, потом в овраг закинул. Мимо него пограничный разъезд на конях процокал, Мальчик едва успел за большим деревом спрятаться. Потом он уже без приключений до горы добрался и начал восхождение.

Глава 14 МАЛЬЧИК ПАДАЕТ В ПРОПАСТЬ

ропинка вокруг горы винтом вьётся, и конца ей не видно. Смотрит Мальчик: старик у тропинки сидит, над самой пропастью. Щупленький такой старикашка. А клюку свою крючковатую поперёк тропы положил. Сперва Мальчик клюку не заметил, споткнулся об неё и носом землю клюнул.

Встал Мальчик, по штанам руками хлопнул, пыль столбом поднял и на старика напустился: мол, расселся, дурак старый, пройти не даёт. Это он по-нашенски сказал. (По-ихнему, должно быть, и слов таких нету.) Оттого старик его не понял. Глядит на Мальчика, а словно не видит. Плюнул тот и дальше отправился. Тропа вскоре закончилась. Колючки пошли, кустарники, а земля скользкая, масляная.

На брюхе Мальчик ползёт, за кусты колючие цепляется, руки в кровь обдирает. Но всё-таки не удержался, нога соскользнула, и стал он в пропасть падать. Так бы и сорвался, но успел за веточку схватиться. Висит, в пустоте ногами дрыгает.

Руки у него уже слабеют. «Ладно, — думает, — всё одно конец. Отпущу ветку». Тут голова того старца над ним вверху появилась. И протягивает ему старик свою крючковатую палку: хватайся.

— Да ну, старичок, — хрипит Мальчик, — меня вытащить тебе сил не хватит. Ещё сам вместе со мной сверзишься.

— Глядишь, и хватит, — отвечает старик тихим голосом.

«Что ж, попробую, — решил Мальчик, — старичок-то жилистый». Только за крюк уцепился — раз! — и уже на твёрдом месте стоит. А старец говорит ему не строго и не ласково:

— За мной иди.

И скоро так стал в гору взбираться. Мальчик едва за ним поспекает.

Самой вершины достигли. Там стена кирпичная. А в стене деревянная дверка. Постучался старик — дверь тотчас распаивается, и оба они в дверку заходят. За дверью поляна, а посреди неё дом стоит, резной весь, с крышей черепичной. И ещё стоят двое молодцев. Один верзила, усы

ниже подбородка свешиваются. Другой и вовсе без усов, совсем молоденький. Оба в белых курточках, белых порточках, кушаком подпоясаны.

Только старца увидели, большой крикнул:

— Здравствуй, Учитель!

И оба они на землю повалились, бритые свои макушки в траву уткнули, ещё и кулаками по земле стукнули. «Фу-ты ну-ты, какая честь!» — это Мальчик подумал.

— Третьего вам братца привёл, — сказал старик, когда те двое встали и отряхнулись.

— Здравствуй, братец, — старший говорит.

Подходит он к Мальчику и в обе щеки его целует.

«Телячьи, — подумал Мальчик, — нежности». И тыльной стороной ладони щёки обтёр. Затем младший к нему подходит и тоже в щёки его лобзает, но не говорит ничего, только смотрит ласково, по рукаву поглаживает.

— Немой он с рождения, — старший объяснил.

Рису они вчетвером пожевали. Потом выходит старик посередине двора. Одну ногу впереди себя на цыпочку поставил, и палка в руке. Просит Мальчика:

— Бей меня.

— За что ж мне бить тебя, дедушка? Ты мне жизнь спас.

А старичок к нему, подпрыгивая, приблизился — и пырь палкой в живот. Так и согнулся

Мальчик, дыхание у него перехватило. «Ну, — собрался, — сейчас врежу!» Плюнул он в кулак. А кулачище у него во какой вырос!

Размахнулся Мальчик во всю ширь и врезал. Только не по деду, а по чистому воздуху. Закрутился он волчком и задом наземь плюхнулся. Вскочил Мальчик, от злости замахал руками мельницей и на старика налетает. Только мимо всё бьёт да мимо. А старик его своим крюком под ногу поддел — оп! — и снова Мальчик на земле. Спинай ударился, затылок ушиб.

— Ну хватит, — старик говорит.

Подняли Мальчика братцы, тихонько по плечу похлопали и в домик спать пошли. А старец на землю сел, ноги скрестивши, и не шевелится. То ли спит так, а может, молится.

Хотел было Мальчик подальше убраться от тех психов, но куда денешься? Мамы-папы нет, Розку потерял, и земля чужая. Покапал Мальчик слезами, хотя большой уже стал парень и храбрый. Потом лёг на землю, свернулся калачиком и заснул, сам не заметил как.

Глава 15 НАСТАВЛЕНИЯ УЧИТЕЛЯ

П оутру Мальчик на старца и глядеть не хочет, чашку с рисом от себя отодвигает. Сильно обиделся.

А старик ему говорит:

— Что ж ты, юноша, квёлый сидишь? Ну ничего, сейчас братцы тебе развлечение устроят. —

И братцам: — Покажите-ка, что умеете.

Берёт старший братец тугой лук, через плечо надевает колчан со стрелами, а младший ему глаза чёрной тряпичей прикрыл. Натянул старший братец тетиву и стрелу в дерево пускает. Ещё достаёт он стрелы из колчана и одна в другую десять стрел вонзил.

Тут и младший своё умение показывает. Из огады кирпич достаёт обожжённый, рукой

его сжимает, а другой тихонечко в него тюкает. Раз! — и напололам кирпич.

Дивится Мальчик, но виду подать не хочет. Говорит:

— Небось, он трухлявый.

Тогда братец другой кирпич из огадки вынул и Мальчику протягивает. А сам глядит кротко. Сложил Мальчик обе руки кувалдой. Бьёт, бьёт, только руки себе расшиб.

Захотелось Мальчику сильным стать, а то перед братцами стыдно. Теперь он весь день по скалам носится, словно горный козёл. По деревьям как обезьяна лазает. На шею бревно положит и, как лягушка, с ним прыгает. Ух каким стал здоровым: плечи горой, ноги — столбы, руки — полена. А старичок мудрый в усики посмеивается: кирпич-то, где бросили, целый лежит.

Однажды день пришёл — берёт он Мальчика за руку, ведёт к малому пруду. Он за домом был вырыт, каменюками по краям обложен.

— Что видишь в пруду сём? — старец молвил.

Поглядел Мальчик в пруд.

— Небо, — говорит, — вижу.

— А ещё что?

— Облака, — говорит, — вижу.

— Ещё, — спрашивает, — что?

Мальчик пригляделся:

— Себя, — говорит, — вижу.

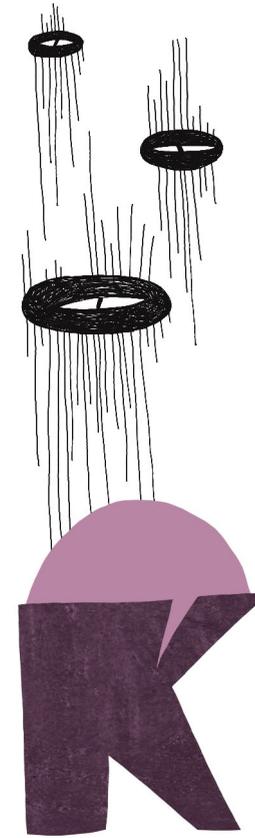
Мудрец прутик взял, воду им пошевелил.

— А теперь что видишь?
— Теперь, — сказал Мальчик, — ничего не вижу.
И тут старец произнёс слова замечательные.
— Твоя, — говорит, — рука знает, что делать.
— Твоя, — говорит, — нога знает, что делать.
— Твоя, — говорит, — душа знает, что делать.
— А твоя, — говорит, — голова не знает, что де-
лать. Сердце своё успокой, воды свои усмири —
и свой лик там увидишь. И небо там отразится.

Сказал так и ушёл. Сел Мальчик, ноги скре-
стив, у прудика. Стал думать над стариковой му-
дростью. И ты о ней подумай, юный мой друг.

День сидит. Два сидит. Не ест, не пьёт. И воды
его успокоились, и небо в них отразилось. Тогда
встал Мальчик, кирпич отыскал, ткнул его ти-
хонько, тот — надвое.

Тут младший братец к нему подходит, поклон
ему отдаёт, и начинается меж ними сражение.
Порхают друг против друга, как бабочки. Один
другого в своей зеркальной глади отражает. Би-
лись они до вечера. И так день за днём. С переры-
вами на обед, конечно.

Глава 16 Злыдень уродский

Как-то дарит старец Мальчику меч
деревянный. Удивился Мальчик:
в точности он похож на тот, что
позабыл в разбойничьей избушке.
— Пусть удар твой, — старик мол-
вил, — будет как мысль точен.

И научил с мечом управляться.

Не растаётся Мальчик теперь с мечом, всё
по воздуху узоры чертит. Живёт он у старца му-
дрого со своими братцами и не тужит. Так Маль-
чик с ними сроднился, что им почти уже и слов
не надо — мысли друг друга чувствуют. Теперь
он тоже ходит в белых штанах и курточке, куша-
ком подпоясанный.

Однажды пошёл Мальчик окрестные места
поглядеть. По тропинке спустился. Полями идёт,

лугами. Добрался до другой горы, высоченной. Вершина её снежная на солнце блестит, а пик дымком в небеса покуривает. Угрюмая гора, недобрая. Мальчик думает: «Заберусь-ка я на гору, с верхушки на мир Божий погляжу и назад спущусь».

Стал он в гору взбираться. Лезет, лезет, а всё далеко до вершины. Кругом утёсы мрачные, а потом льды пошли — глаза слепят, вот-вот в пропасть сверзишься. Встал Мальчик на карачки и вверх ползёт, за каждый выступ цепляется. Так и добрался до вершины. Там дом стоит, и диски чёрные над ним в воздухе парят.

А солнце уже на закате. «Переночую здесь, — подумал Мальчик, — а завтра вниз спущусь». Только дом недобрый, и диски траурные над ним летают. Сам он квадратный, на кубик похож, какими Мальчик в детстве играл.

Подходит Мальчик к стеклянным дверям, те сами перед ним распахиваются. За ними залы просторные, но нет в них людского говора. Только механизмы одни стоят, огоньками подмаргивают, плачут тоненько. В самый большой зал пришёл Мальчик. Там пол блестящий, всё в нём вверх тормашками отражается. Только отражаться нечему — пусто вокруг.

Тут шаги раздаются тяжёлые. Мальчик за оконную штору спрятался. Видит в щёлочку: вошло существо мерзопакостное. Голова словно котёл,

в ней четыре глаза посверкивают. Уши торчком стоят, на руках по три пальца. Одним пальцем оно в носу ковыряет. А ты, случаем, не ковыряешь в носу, юный мой друг? Смотри, а то сломаешь палец.

Тут к окошку диск подлетает. Лучик оттуда — прямо уроду в ухо. И голос металлический раздаётся, противный:

— Говорит Гренгаутар. Запятая. Император Вселенского Зла. Точка. Со звезды Альфа Скорпиона. Точка. Как слышно. Вопросительный знак.

Злыдень хрипит в ответ:

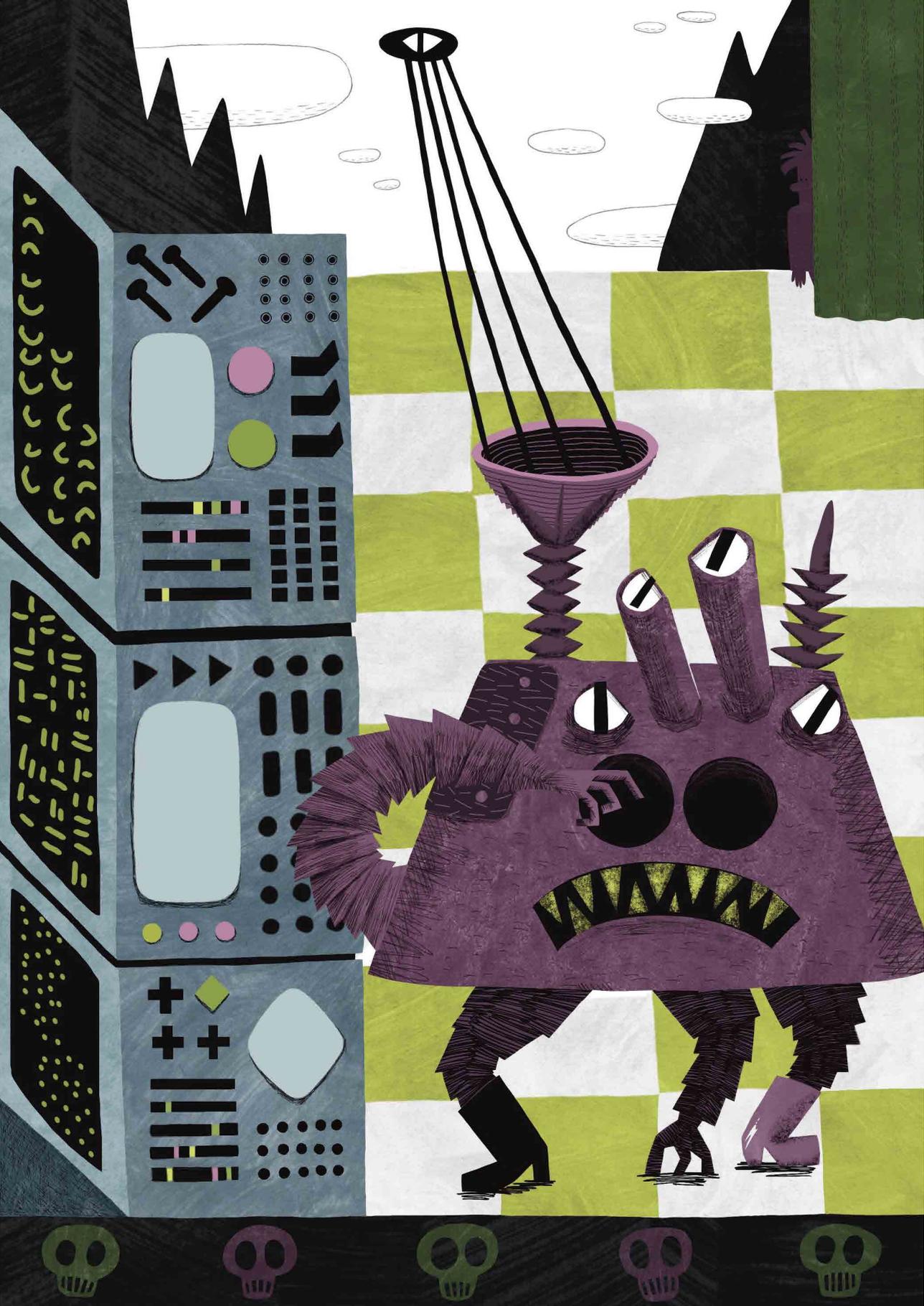
— Хорошо слышно. Восклицательный знак.

И опять металлический голос:

— Расскажи, злыдень уродский, как Земле вредишь.

Тот мнётся, заикается: порошок, мол, научил людей делать маковый. Кто его понюхает, дурнем становится, а дурень сам себе лоб расшибёт. Передатчики, мол, такие завёл — на мозги людям капаю, чтобы они кровопийц в начальники ставили. А те войны затевают, глядишь, и всю Землю погубят. Аж взвился поганый Гренгаутар на своей звезде.

— Не стану, — кричит, — ждать, пока люди лбы себе порасшибают и перестреляют друг дружку! Нечего с этой планеткой миндальничать. Велю тебе, — приказывает, — злым дыханием Землю разом с лица Вселенной стереть.

Сжался злыдень весь, скукожился, а тот сулит:
— Справишься — Пояс Ориона тебе пожалую,
с алмазами. А коль нет — по винтику тебя, уroda,
разберу и в антимир закину.

Злыдень на колени падает.

— Повинуюсь, — хрипит, — слушаюсь! Но ты, —
просит, — зла мне побольше подкинь. Своего
не хватает.

— Держи, — говорит металлический голос, —
потом отчитаешься.

Ты спросишь, юный друг: на каком же языке
они говорили, что Мальчик их понимал? Честно
говоря, и сам не знаю. Только предположу, что
выучка у мудрого старца ему помогла язык Все-
ленского Зла понять.

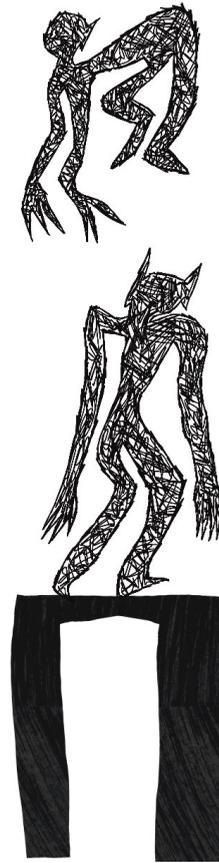
А злыдень уродский тем временем стал, как
воздушный шар, раздуваться. Потом свою смрад-
ную пасть разинул, и облако зелёное оттуда изо-
шло, вонючее. В фортку его всё выдуло. Смотрит
Мальчик, к окну припал: просторы кругом широ-
кие, а вдали другая гора стоит, где стариков дом
резной. Туда и плывёт злое облако. Повисло оно
над домиком, где старец живёт, и вмиг рассея-
лось, как его не было.

Злыдень стал по полу кататься.

— Убью, — кричит, — старого хрыча!

Мальчик-то, конечно, сообразил, о ком речь.
Урод вопит, слюной брызгает: сколько, мол, зла
попусту растрчено.

Не стал Мальчик дальше его слушать. Отворил окно, перепрыгнул через подоконник, по скользкому льду на спине съехал. И вот уже стоит перед старцем, о злыдне ему рассказывает.

Глава 17 Бой с невидимками

ошёл старший братец за луком своим тугим, за колчаном со стрелами. Младший братец по стенке обеими руками колотит — к битве готовится. А мудрый старец, как всегда, спокоен.

— Готовь, — советует Мальчику, — к бою свой деревянный меч.

Смотрит Мальчик: сидит его старший братец у прудика, камешки туда бросает, кругами на воде любит, а на лице его — забота. Спрашивает Мальчик:

— Неужто тебя, братца моего старшего, страх обуял?

— Нет, братец мой, — отвечает, — страха не ведаю. Но опасен наш враг. Тому злыдню чёрные невидимки служат.

— Подумаешь, — говорит Мальчик, — и сам я был невидимкой.

Тут разбойный свист раздался, ноги затопали, словно большое воинство наступает, а вокруг не видать никого.

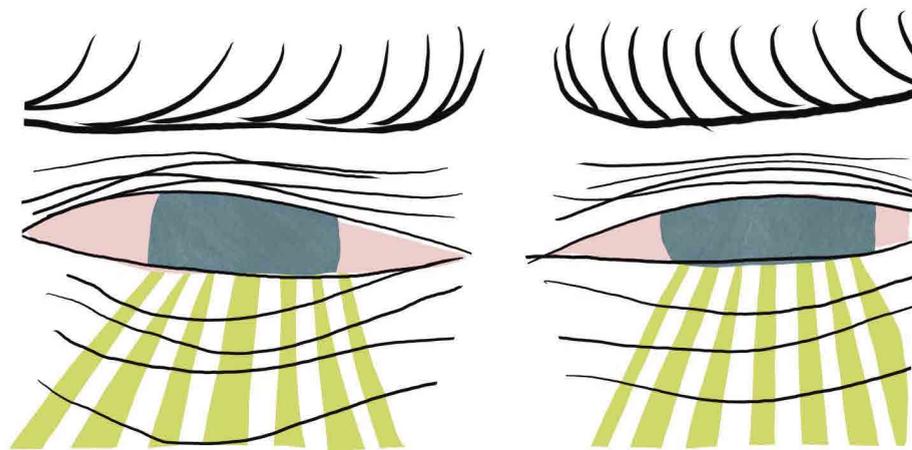
— Вот они, невидимки, и пожаловали, — говорит старший братец.

Лук свой берёт, стрелу в него закладывает. Стрела вжик — и в воздухе красное пятно расплылось. А меньшой братец по двору носится, бабочкой порхает. Машет кулаками по чистому воздуху. Вдруг железный кругляк в него летит, зубренный. Раз — и палец у него на руке отрубил.

Выхватил Мальчик деревянный меч, побежал туда, откуда кругляк прилетел. Чует: существо некое вокруг него вьётся, само невидимое. Чертит Мальчик мечом узоры по воздуху. В голове словно гладь водная — не видит он врага, но чувствует. Всякий удар деревянным мечом отбивает. Взмахнул им — и тут рык раздался звериный, невидимое тело наземь повалилось. Глядит: младший братец тряпицей рану перевязал и опять по двору вьётся бабочкой. Старший братец стрелы одну за другой из колчана берёт и в пустой воздух пуляет. А повсюду железные кругляки летают, вертятся.

Только Старец один сидит недвижим, ноги скрестив. Взгляд свой вперёд устремил. Даже

круги железные его дугой огибают. Видит Мальчик: из очей старца исходит луч светлый. Как меч он пространство пронзает, достигает горы, где злыднев дом стоит. Словно гром могучий грянул. Верхушка горы вулканом вспыхнула, горячая лава по склону вниз потекла. Смотрят трое братьев — нет уже на той горе злого дома. И тучи в небе разошлись, солнце всю сверкает. И враг бегством спасается.

Глава 18
**МАЛЬЧИК ТЕРЯЕТ
УЧИТЕЛЯ**

пять день за днём катится. Только почти совсем перестали ходить к старцу люди добрые, мудрости учиться. Они ведь и еду приносили. Видно, крупинки злого облака с росой на почву осели, в землю впитались. Потом со злаками взошли, попали в пищу. И ожесточились людские сердца.

— Ничего, — Учитель говорит, — сами прокормимся.

Вспомнил Мальчик ту книгу, что учёный агроном написал. Отыскал он фасолинку, зарыл в землю, а рядом тычину воткнул, чтобы вокруг неё росток вился. Немного времени прошло, а тычины уже не хватает. Побольше палочку воткнул. Вскоре и её всю фасолька обвила. Тогда отыскал

совсем длинную палку — и её стебель обвил. Наконец Мальчик шест нашёл длиннющий. Скоро и его не хватит. А стебель толстый, словно корабельный канат. И весь фасолевыми стручками усеян.

Ухаживает Мальчик за фасолькой, как умная книга велела, и она всё ввысь прёт. Потому, я думаю, что в горах солнце ближе, а оно корни греет. А может, по какой другой причине. Я ведь ту книгу не читал.

Живёт Мальчик — не тужит, за своим растением ухаживает, мечом фехтует.

Но как-то поутру пришли злые люди. В дверь ломятся, кричат злобными голосами, старика требуют.

Старший братец за колчан берётся, говорит:

— Невидимок побили, с этими, что ль, не справимся?

— Нет, — промолвил Учитель, — то судьба моя. Предамся им в руки.

— И мы с тобой, — Мальчик говорит.

— Нет, — опять молвил Учитель. — Ваша судьба вас другой дорогой ведёт. Велю вам от них спастись.

Жалко братцам Учителя, но послушаться нельзя. Тот шагнул к деревянной дверке. Младший братец на колени падает, к ногам его прижимается. Отстранил Учитель брата рукой, за ограду вышел, дверь за собой тихонько прикрыл.

Смотрят братцы в дверную щёлку, видят: Учитель стоит, а перед ним люди злобные. Головы у них красными тряпками повязаны, глаза у всех безумные. Тычут они в него пальцами, в лицо плюют, кричат: «Шарлатан ты, бездельник!» Учитель спокойный стоит, а они как псы брешут.

Затем снимает старец сандалии и на голову себе положил. Те глазют на него, рты разинули. Потом ещё пуще принялись ругаться. Главари их верёвку на шею старцу накинул. И увели Учителя. Тот идёт, на голове сандалии рукой поддерживает.

Ты спросишь, мой юный друг: зачем он положил сандалии на голову? Может, и знаю, но не скажу, сам попробуй сообразить. Ведь Учитель был как водное зеркальце: дурак туда поглядит — дурака и увидит. А мудрый увидит мудрость.

—Теперь, — старший братец сказал, — исполним наказ Учителя, от злодеев спасёмся.

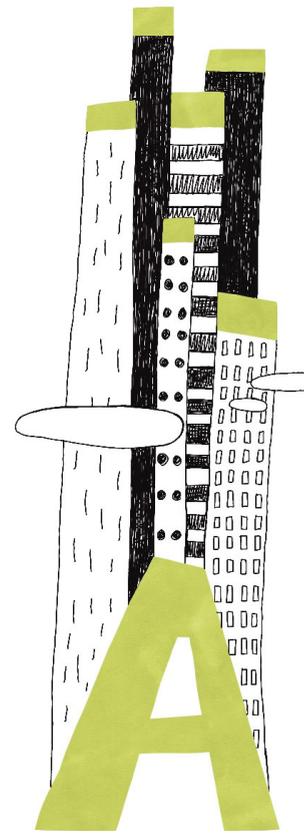
Покивали братцы, но легко сказать, а как сделать? Те на узкой тропе дозорных оставили, с оружием.

Думали братцы, ничего не надумали. Вдруг младший пальцем куда-то показывает и немует по-своему. Глянули братцы, куда младший указывал. Видят: фасолька-то вымахала ого-го! С высоченного шеста свешивается. Срезали они её под корень, перемахнули кирпичную стену позади домика. Там дерево притулилось

прямо над обрывом. Привязали они к стволу фасолевый стебель. Мальчик свой меч за кушак заткнул, и спустились братцы вниз по стеблю один за другим.

Глава 19 УСАТЫЕ ХУЛИГАНЫ

А куда братцам идти-то? Решили: пойдём туда, куда ветер дует. Ветры в тех краях сильные веяли. Как подует ветерок в спину, ноги сами бегут. Идут братцы и день, и второй, и третий. Вдруг голубка к ним летит, в клюве несёт записочку.

Над старшим братцем покружилась, и падает листок прямо ему в руки. Прочитал он письмецо и сразу опечалился.

— Матушка, — говорит, — моя помирает. Напоследок повидаться зовёт.

— И мы с тобой пойдём, — сказал Мальчик.

— Нет, братцы, — тот отвечает. — Вы идите, куда ветер дует, а я матушке своей закрою глаза и вас нагоню.

Младший братец губами шепчет, старшего по спине гладит. Обнялись три братца на прощание и разошлись в разные стороны.

Идут младшие братцы, куда ветер указывает. По долинам, по взгорьям. Поля рисовые переплывают, рыбу там ловят. Это потому, юный мой друг, что рисовые поля заливают водой — так рис лучше родится.

А города они стараются стороной обходить. Зашли в один — едва ноги унесли. Там стены домов все чёрными надписями испачканы. И люди по улицам ходят бешеные, не по одному, а кучками. Красными тряпками на шесте размахивают, кричат грубо и толкаются. А то и подерутся. Все глазами вращают безумными и слова безумные же выкрикивают зычным голосом. Их послушай, так они всем людям хотят добро сделать, а тем-то чего хорошего от их ругани?

Дошли братцы до Великой стены, что среди безлюдной равнины тянется. Сложил Мальчик ладони горстью. Младший братец на этот ковшик ногой ступил, а Мальчик его — хоп! — и вверх подбросил. Тот в воздухе перекувырнулся — и вот он уже на стене. Потом кушак свой развязал, Мальчику конец спустил и наверх своего братца вскинул. Спрыгнули они наземь и пошли дальше.

Наконец добрались они до самого морского берега. Там город богатый. Корабли туда товар со всего света привозят. Дома стеклянные небо

верхушками подпирают. Машины бибикают, мотоциклы трывают, людей множество, и говор на всех наречиях. Совсем братцы в городе запутались. Заходят в чайный домик. Хозяин в мягкой шапочке им вежливо кланяется, приносит две чашки. В них лепестки цветочные колыхаются.

Там ещё человек один сидит, как лимон жёлтый. Перед ним поднос уставлен чашками, и к ним — фарфоровый чайничек. Вдруг орава в дверь вваливается. Все в жилетках чёрных, в брюках чёрных и в ботинках лакированных. Морды злющие, усы у всех топорщатся. И в чёрных шляпах все.

Хозяин — к ним, с поклоном. Они его отталкивают. Один идёт прямо к жёлтому и чашку чая выливает ему на голову. Потом другой чашку чая берёт — и тоже тому на голову. Так поднос опорожнили. А последний уже весь чайник из носика ему на голову вылил. Вот какие хулиганы! Видно, зуб на того имели. Небось, в своих тёмных делишках не поладили.

Сидит жёлтый, с лица чайники смахивает. Тут младший братец встаёт и усатого за рукав тихонько трогает.

— Тебе, — усатый спрашивает, — чего надо, калека? — Это он про его палец отрубленный.

И размахнулся братца ударить. Увернулся младший братец — усатый с размаха кувыркком через стол полетел.

Другой усатый к братцу кинулся, а тот подпрыгнул до потолка и ногой с него шляпу смахнул. Тут уж все разом на братца набросились, но он пляшет, увёртывается, в толчее усатые друг дружку колотят. Главный ножик достал. Мальчик к нему подбегает и мечом — раз под руку! Ножик по самую рукоять в деревянный потолок вонзился. Лежат усатые на полу, все побитые, в синяках, шишках. Хозяин к братцам подходит. Складывает руки на груди, кланяется. И ещё чаю приносит.

Жёлтый последнюю чайнику с лица смахнул и Мальчику кричит:

— Ну, кудряш, теперь с меня должок!

Глядит Мальчик — атаман перед ним сидит. Лицо не его, а он. Мальчик спрашивает:

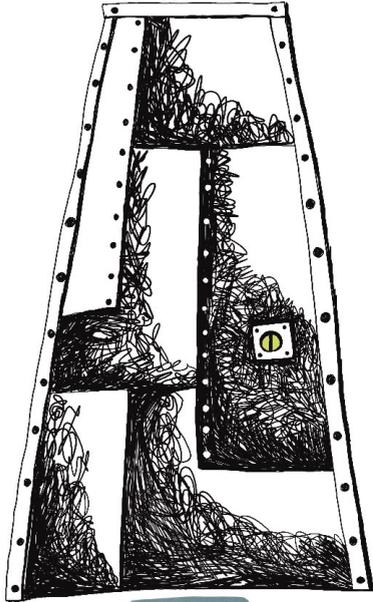
— Чего ж ты жёлтый такой и глаза узкие?

— Скучно, — отвечает, — с одним лицом всю жизнь ходить. Здесь, — говорит, — такие доктора, что хоть негром тебя сделают. Только плати денежки. — И спрашивает, а глаза хитроватые: — У вас-то, ребята, видать, плохо с денежками?

Переглянулись братцы, плечами пожали, руками развели.

— Тогда, — предлагает, — айда за мной, работёнку вам подыщем.

Встал и в дверь вышел. И братцы — за ним.

Глава 20
ЖЕЛЕЗНЫЙ ДОМ

Знает Мальчик, какая работёнка у разбойника, а надо ему о Розке узнать. Прямо спросить боязно. Вдруг скажет, что померла она: пулей застрелили, в реке утопла.

Пришли они к морскому берегу. Садятся в лодку моторную. Атаман мотор заводит — и по волнам понесли. Доплыли до острова. На острове дом железный, окошек — ни одного. Подходит атаман к двери, дырочку там нашёл. Пальцем повертел, и открылась дверь.

Идут они коридорами, по лестницам вверх поднимаются. На полу везде ковры уложены: ни шагов не слышно, ни звуков никаких. Подходят к железной двери. Атаман фонарик из кармана достаёт и ей посигналил. Открывается дверь.

А за ней — огромный экран. Ещё раз атаман мигнул фонариком. Экран загорелся, и чудище на нём явилось. Глядит Мальчик: да это ж злыдень уродский! Четырьмя глазами подмаргивает и, как тогда, в носу ковыряет. Значит, мерзкий император злыдня помиловал. Выходит, он всё же немало Земле навредил.

— Вот, хозяин, — говорит ему атаман, — привёл тебе охранников.

— По виду, — сомневается злыдень, — они щуплые.

Обиделся атаман:

— Куда там до них твоим невидимкам! Они всю банду Усатого вдвоём отколошматили.

— А люди они надёжные?

— Этот вот немой вовсе, не протреплется, — ответил атаман. — А тот вон как сын мне. С малолетства его знаю. Он мне порошком твоим помогал торговать.

— Ладно, — согласился злыдень, — беру в охранники. Сигнальные фонарики им вручи.

И пропал.

Достаёт бывший атаман из кармана фонарики, отдаёт братцам, а потом говорит Мальчику:

— Что ж ты про свою названую сестрёнку не спрашиваешь?

— Розка жива?! — воскликнул Мальчик громким голосом.

По дому железному эхо прокатилось.

— Ну жива. Орать-то зачем? — атаман отвечает. И вот что рассказал: — Когда легавые нас обложили, — говорит он своими разбойничьими словами, — я Розку в охапку и к лодке понёсся. В лодку сели, плывём. Вдруг слышу: большая рыба за бортом плещется. Руками её из реки вылавливаю. И что ж, думаешь, за рыба оказалась?

— Откуда мне знать? — удивился Мальчик.

— Тот хлюпик оказался, — атаман хохочет, — что тебя здешней грамоте учил. Думаю: не бросать же его обратно в реку, пускай мне прислуживает. Так и доплыли втроём до берега, а здесь уж добрые люди помогли.

«Такие же, как и ты, разбойники», — подумал Мальчик и спрашивает:

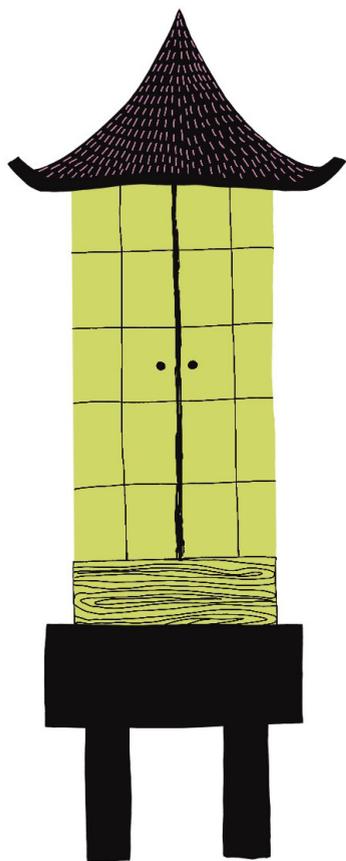
— А Розка-то где?

— Тут неподалёку. Эх, — атаман губами причмокнул, — какая красавица сделалась. Я учителей для неё нанял, чтобы языком заграничным учили, танцам и манерам обучали. Она теперь невеста моя.

Заколотилось у Мальчика сердце, но он виду не показывает. Спрашивает:

— И любит тебя твоя невеста?

— Ещё как любит, — атаман в ответ. — Пылинки сдувает. Да ты, — обещает, — сам увидишь. Я вас, парни, к себе приглашаю. Прежние денёчки с тобой, кудряш, вспоминать будем.

Глава 21
**МАЛЬЧИК НАХОДИТ
СВОЮ РОЗУ**

одходят братцы с атаманом к домику. Стенки у него бумажные, просвечивают. Атаман башмаки снимает и братцев разуться заставил. Затем дверцу раздвинул — та на колёсиках, — и в дом они заходят.

Комната пустая почти. Столик стоит низенький, на нём вазон стеклянный. Там зелёные светляки огоньками мигают. И девушка рядом сидит на коленях, чудной красоты. Она в халате шёлковом, в волосах черепаховый гребень торчит. Одной рукой она цветастым веером обмахивается, другой — деревянными палочками лапшу из чашки выбирает.

Подходит атаман, кладёт перед ней лаковую коробочку. Девушка до полу ему кланяется.

— Благодарю, — говорит, — хозяин.

— Гляди, — гордится атаман, — какая покорная.

— А где же Розка? — Мальчик спрашивает.

— Вот, — отвечает, — она и есть Розка.

Присмотрелся Мальчик — правда Розка. И та приглядывается, вспомнить хочет, но не может никак.

— Я, — сказал атаман, — в лавочку за чаем сбегаю, — и ушёл.

— Здравствуй, — Мальчик говорит, — Розка.

— Здравствуйте, господин, — та отвечает. И, как дурочка, всё время головой кивает, веером обмахивается.

— Не узнаёшь меня, что ли? — спрашивает Мальчик.

— Как пожелаете, господин, — отвечает.

Тут отставляет она чашку с лапшой. Берёт лаковую коробочку, из неё порошочек себе на руку высыпает и обеими ноздрями вынюхивает.

«Должно быть, — Мальчик подумал, — это и есть порошок, от которого дурнями становятся». Вырывает он у Розки коробочку, на пол бросает и ногой растаптывает. Затем к Розке кидается, за плечи её трясёт, даже по щекам тихонько шлёпает. А та смотрит глупо и говорит:

— Простите, господин, если что не так сделала.

Тут младший братец здоровой рукой Мальчика отстраняет, на другой руке непораненный

палец выставил. И — пырь Розку прямо в лоб. Потом у виска — пырь, потом в шею два раза ткнул и оба уха ей ладонями потёр.

Оглядела тогда Розка комнату как в первый раз и Мальчика тотчас узнала. А узнала — аж от радости взвизгнула, по обеим коленкам руками захлопала. Потом на шею ему кинулась.

— Теперь, — говорит, — бежим поскорее.

Тут жёлтый человечек в дверь заходит, тот самый, что Мальчика иероглифам обучил.

— И меня, — просит, — с собой возьмите.

Но здороваться им некогда. Выскочили друзья из домика, по улице к морю побежали. И как раз на последний ночной корабль успели. На нём уже трап поднимать собрались. К ним капитан подходит в белом кителе.

— Какие, — спрашивает, — изволите каюты?

А у братцев-то в карманах пусто. У Розки и карманов нет. Человечек жёлтый на ладошке монеты посчитал — только на одно место хватило, самое плохонькое.

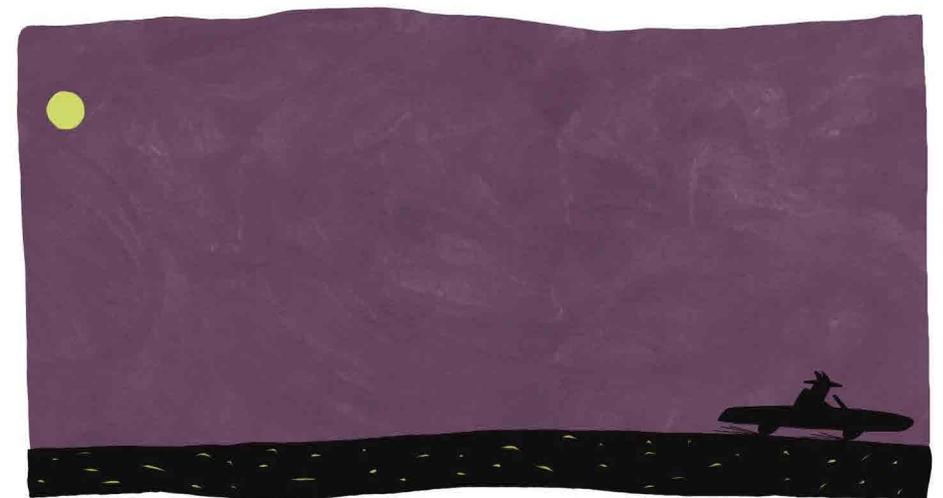
Тогда капитан, золотым брелком поигрывая и в даль морскую глядя, произносит задумчиво:

— У меня два кочегара занедужили. Несвежих лягушек поели.

В некоторых странах, ты знаешь, юный мой друг, лягушки — первое лакомство. Сказал это капитан и снова задумчиво на волны смотрит.

А что молодым-то парням уголёк покидать?
Спустились братцы в брюхо парходное, лопата-
ми шуруют. Человечек им помогает чем может.
И корабль на всех парах несётся, другие корабли
обогнал, первым в порт прибыл.

Глава 22 КОНЕЦ АТАМАНА

Сошли друзья наши на берег. Тут к ним машина подъезжает блестящая. За рулём атаман сидит. Каким-то манером раньше них успел добраться. Думаю, на самолёте. Открывает атаман дверцу, одной рукой Розку в машину втаскивает, другой — ей к голове пистолет приставил. Дверцу захлопнул и умчался.

Видят друзья: мотоциклетка стоит. Сел жёлтый человечек за руль, братцы сзади уместились. И помчались следом. Догоняют атамана, рядом несутся. Тот из пистолета в них стреляет: бах, бах — но всё мимо. Розка ему целиться не даёт, под руку толкает. Хотел он мотоцикл с дороги спихнуть — вильнул своей машиной,

но человек скорости поддал. Атаман в кювет и кувыркнулся.

Сезают друзья с мотоцикла, на дороге стоят. Розка из опрокинутой машины выпархивает, к Мальчику подбегает, за руку его берёт.

Потом атаман оттуда на четвереньках выполз, кричит Розке:

— Тварь неблагодарная! С голодранцем связалась!

А Розка крепко за Мальчика держится и пальцами атаману нос показала. Розка-то прежней осталась.

— Ах так?! — атаман кричит. — Тогда я всех вас перестреляю! — И пистолетом прицелился.

Тут подъезжает машина грузовая, из кузова люди выскакивают и заламывают атаману руки за спину, пистолет у него отбирают. А главарь их ему под рёбра кулаком ткнул.

— Что, — радуется, — попался, бандюга? Давненько тебя выслеживаем!

Как ни смел Мальчик был, как ни силён, а и ему чуть страшновато сделалось. И братец его меньшей побледнел чуток. Те самые перед ними оказались рожи, что Учителя на верёвке увели. Мальчик за рукоять меча взялся.

Главарь к нему подходит, смотрит яростно.

— А ты, — спрашивает, — кто таков?

— Да мы кочегары с иностранного парохода, — спокойно отвечает Мальчик.

Глядит главарь на всех троих, а те с ног до головы в корабельной саже перепачканы. Улыбнулся главарь во весь свой щербатый рот и Мальчику руку обеими своими руками потряс. Потом чистый платок из кармана достал, обтёр ладони. Мальчик спрашивает:

— А этого куда ж теперь, в тюрьму, что ли?

Отвечает главарь:

— В нашей стране, товарищ трудящийся, не наказывают, а перевоспитывают. Пускай он для народа поработает.

Другой добавил ещё.

— Мы, — говорит, — Великую нашу стену до горизонта хотим протянуть. А он камни будет подтаскивать.

И третий ещё добавил:

— Как закончим — сразу отпустим: гуляй на свободе с чистой совестью!

Затем они атамана бывшего в спину толкнули. Сказали: «Шагай, туineaдец». В кузов посадили и увезли.

Тогда Розка спрашивает:

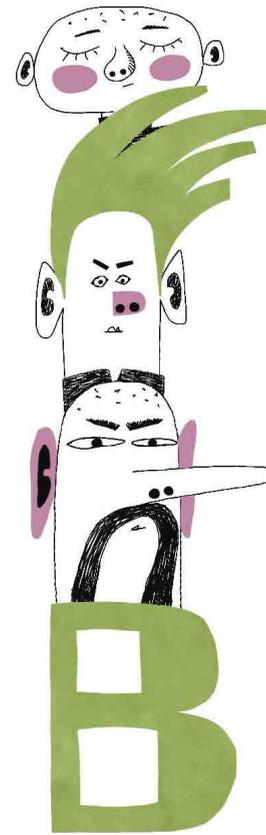
— А мы теперь чем займёмся?

Мальчик подумал и отвечает:

— Надо нам злыдня уродского наказать.

Продали они побитую машину старьёвщику, на мотоцикле обратно в порт приехали и, где взяли, там его и оставили. Билеты купили как положено, на корабль сели. Там парни первым делом

от сажи отмылись и одежду постирали. Правила гигиены, юный друг, надо соблюдать в любых обстоятельствах.

Глава 23 БИТВА СО ЗЛЫДНЕМ УРОДСКИМ

Вернулись друзья в прежний город. Отыскали на берегу моторную лодку и на остров приплыли. Находят в двери дырочку. Мальчик пальцем в ней вертит, а дверь не открывается. Человечек советует:

— Ты сначала на закат два раза крутни, потом на восход покрути три раза.

Так Мальчик и сделал. Распахнулась дверь.

Ведёт их жёлтый человечек по мягким коврам прямо к уроду. Он-то здесь всё знал. Вдруг видят друзья: стенка стеклянная, а за ней комнатка. Там стол стоит, весь уставленный склянками. За столом мужчина сидит. Белый халат на нём надет, с пробирками и колбами возится.

Постучал Мальчик по стеклу. Человек от стола голову поднял — и как на стенку стеклянную

кинется! Мальчик тоже к стеклу припал. Это ж его отец был. Прижались они к стеклу по обе стороны, целуются. Тут меньшей братец ногой топнул, в воздух как птица взмыл и обеими ногами в стеклянную стенку ударил. Устояла стена, ни трещинки. Мальчик своим деревянным мечом по стеклу бабахнул. Стоит стенка как была, а Розка по ней кулачками молотит.

Тут человек опять советует Мальчику:

— Проведи-ка по стенке крест-накрест фонариком.

Вынул мальчик из кармана фонарик, который ему прежде атаман дал, и лучом наперекрест по стеклянной стенке провёл. Пало стекло, осколки во все стороны брызнули. И вот уже папа с Мальчиком обнимаются, наглядеться друг на друга не могут. Розка папу в заросшую щёку чмокает. Младший братец лбом о его плечо трётся, а человек руки на груди скрестил и кланяется.

Нарадовались друг на друга и снова злыдня побежали искать. Человек их к двери приводит. Открывают они её фонариком, а там машина огромная: помаргивает, поскрипывает, попискивает. А перед нею урод стоит и всеми своими шестью пальцами на кнопки давит. Оборачивается он к нашим друзьям. Ушки свои топорщит, зубы скалит и палец опять в нос засунул. Кричит:

— Предали вы меня, неверные мои охранники! За измену жизнью заплатите!

«Это мы ещё поглядим», — подумал Мальчик. Подходит он к злыдню уродскому и меч свой над ним заносит — голову с плеч ему хочет срубить. Но меч деревянный от уroda отскакивает.

Нажимает урод на кнопку, и прямо из машины — луч тонкий, горячий. Шарит луч по комнате, железные стенки от него плавятся. Вот-вот друзей наших напололам разрежет.

— Бежим! — кричит Розка.

А папа вспомнил:

— На крыше должен самолёт стоять. Сядем в него и улетим.

Выбегают друзья из комнаты, перед ними лестница. Взобрались по ней на крышу. Там и впрямь самолётик, но рядом с ним урод сам, и скалится.

— Сейчас, — обещает, — мои невидимки вам покажут.

Налетело тотчас множество невидимок. Меньшой братец руками машет, Мальчик мечом размахивает — от врагов отбиваются. Розка сняла с ноги туфельку — колотит каблучком по пустому воздуху. Да невидимок так много, что не справиться.

«Вот бы, — думает Мальчик, — сюда старшего братца».

Только подумал — видит: вертолёт летит. Сбрасывает верёвочную лесенку, а по ней старший брат спускается. Ты удивлён? Но ведь братцы

друг друга без слов понимали, мысли на расстоянии чувствовали. Выходит, и на очень большом.

Берёт старший брат свой тугой лук и стрелы пускает без промаха. Только красные пятна по воздуху расплываются. А последней стрелой в урода целит. Тот стоит и посмеивается, свой нос рукой трёхпалой прикрыл. И попадает стрела ему прямо в сердце. Он стрелу из сердца вытаскивает, своими жёлтыми зубами её перекусывает. Как же сладить с уродом бессмертным?

Тут Мальчик сообразил: «Неспроста он всё в носу ковыряет!» Поднимает свой деревянный меч и — бац! — злыдню прямо по носу. Урод наземь брякнулся и надвое развалился. Из него — шарики, пружинки, колёсики, разные проводки. А в носу красная кнопка. Вся его сила в ней была.

Братцы один другого тискают. Потом Мальчик жёлтому человечку говорит:

— Сколько уж раз ты мне помог. — И рассказал про фасольку.

Папа торопит:

— Давайте в самолёт садиться. Места всем хватит. Улетим в другие края.

— Не полечу я с вами, друзья дорогие, — говорит старший братец. — Вернусь на ту гору, где мы жили со старцем премудрым. Буду людей учить его мудрости.

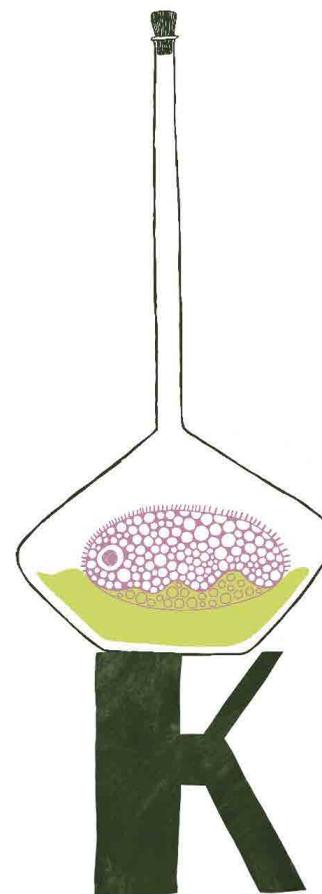
— И я с тобой, — человечек говорит, — стану фасоль растить, пропитаемся.

Младший братец ничего сказать не может, только Мальчика по плечу гладит, и слёзы у него из глаз капают. Понятно, что и он не хочет свою страну, какая ни есть, покидать.

Обнялись друзья все по очереди. Трое в моторную лодку сели и в даль унесли морскую. Трое в самолёт садятся и в небо взлетают. Увидел Мальчик в самолёте пакет со взрывчаткой, бечёвкой перевязанный. Взял он его и сбросил вниз через люк. Гром тогда грянул, пыхнуло пламя высокое. Запылал остров свечкою, искры в небеса полетели. Потом могучая волна нахлынула, и скрылся остров в морской пучине.

— Теперь, — отец говорит, — расскажу вам свою историю.

Глава 24 ПАПИНА ИСТОРИЯ

Как-то поздним вечером постучали в нашу дверь трижды. Заходят люди хмурые. Говорят: «Главные правители вас к себе требуют. Берите бутылку с микробом и за нами следуйте». Помнишь, сынок, бессмертного микроба? Ты его ещё Виталием называл.

Привозят в машине к дворцу здоровенному. По мраморным залам меня ведут и в самый большой приводят. Там белые колонны потолок подпирают. Стоит длинный стол, а за ним — главные правители. Один лысину почёсывает, другой усы покручивает, третий густые брови хмурит. Перед каждым по серебряной чарке и ломтику чёрного хлеба на блюде.

«Наливай, — говорят, — нам своего микроба». Налил я до краёв чарочки. Как раз вся бутылка вышла. Выпили они, потом взяли хлеба ломтики и понюхали. Только выпили — сразу стыд и совесть потеряли.

Лысый говорит: «Что нам Бога теперь бояться, если мы бессмертные?»

Другой шамкает: «Что нам людей теперь стыдиться, если мы бессмертные?»

Усатый говорит: «А сами люди зачем нам теперь?»

Я и понял, что ни с кем правители бессмертием делиться не захотят. Тут они про меня вспомнили.

Лысый говорит: «Давайте решим, что делать с нашим умником. Это архиважно».

Усатый произносит неторопливо: «Я полагаю, его следует расстрелять, чтобы он опять микроба не вывел. А то ведь кто угодно бессмертным сделается и страх перед нами потеряет». Сказал и папирской пыхнул.

Хмурый ещё больше брови нахмурил, медалями звякнул и говорит: «Всех бы тебе расстрелять. А кто для нас тогда работать будет?»

Лысый на усатого прищурился: «Как он вас срезал, батенька».

Порешили меня в лес отвезти, чтобы я там дрова рубил. И охрану приставить. Отвезли меня в лес, в полосатое всего одели, чтоб с охраной

не перепутать. Стал я дрова рубить, а таких, как я, там видимо-невидимо. И все дрова рубят.

Теперь ты понял, юный мой друг, куда это люди пропадать стали? Вот и Мальчик сообразил. А папа тем временем дальше рассказывает:

— Началась война. Сперва всех здоровых и сильных побили. Потом — пожилых и больных. Затем нас на поезд сажают и воевать везут. Привозят на войну. Рядком выстраивают. Генерал приезжает на грузовой машине. А в кузове — огромные ножницы кучей.

«Там, братцы, — генерал говорит и рукой указал, — вражеский окоп, видите? Перед ним железная проволока. Вы колючку железную ножницами разрежете, на врага наброситесь, победу над ним одержите и все героями станете. А если кто, — генерал пригрозил, — от врага бежать посмеет, так за тем вон холмом наши автоматчики спрятались. Враз скосят». И раздает всем ножницы.

Бегу я к вражескому окопу, железную колючку разрезал. Передо мной враг стоит в рогатой каске, в меня ружьём целит. Но и у меня ружьё, и я в него прицелился. Тут бомба рядом ахнула, и оба мы наземь повалились.

Очухался. Сижу я в комнате, передо мной стол стоит. За ним мужчина — тоже в рогатой каске, погонах позолоченных. На столе бумажки перекладывает и кричит на меня: «Открой, — требу-

ет, — мне какую-нибудь тайну, государственную или военную!»

Я военной тайны вовсе не знаю, а государственную знаю одну, но режь — не открою! Чтобы враги не стали бессмертными.

Устал рогатый кричать. «Ладно, — пообещал, — бросим тебя в тюремную камеру. А поутру застрелим». Позвал двух молодчиков. Те меня под руки и бросили в тюремную камеру. Там люди вповалку лежат и спят тревожно: шевелятся, вскрикивают. Прилёг я в уголке, тоже поспать собрался. Тут вдруг кто-то меня за ногу дёргает.

Передохнул папа, а потом дальше продолжил.

Глава 25
ПАПИНА ИСТОРИЯ
(ОКОНЧАНИЕ)

еловек ко мне подползает. «Ты, товарищ, чей?» — шепчет. «Я, геноссе, свой, — отвечаю. — А ты чей?» «А я, — шепчет, — чужой». «Что ж, — спрашиваю, — ты в камере делаешь?» И подальше от него отодвинулся. Доносчик, думаю. Их ещё «наседками» называют. Но потом вижу: вроде личность знакомая. Подумал я, припомнил, потом как закричу. Аж часовой своим ружьём звякнул. «Тащи, — кричу, — профессор, торт кремовый!»

Тот ко мне пригляделся, даже лицо рукой пощупал — и тоже как закричит (тут уж часовой в дверь прикладом стукнул): «Нет, это ты, академик, неси торт кремовый!»

Я старого друга повстречал. Мы с ним на Брудершафтском всенаучном конгрессе поспорили,

кто раньше жизненного микроба выведет. На торт кремовый.

Рассказал он мне свою историю, но я её целиком повторять не буду — очень уж на мою похожа. Сделал он своим правителям бессмертного микроба. Они тогда профессору орден вручили, а потом посадили в тюремную камеру. И со всем миром войну затеяли. Им-то чего бояться? Они ведь бессмертные.

Закончил профессор рассказ, грустно так улыбнулся и говорит: «А нас с тобой, академик, теперь на одном суку повесят. И поделом». Да ночь впереди длинная, принялись мы с ним про научное разговаривать. Каждый стал своим микробом похвастаться.

Профессор кусочек известки нашёл и на стенке циферками и буквами про своего микроба написал. Гляжу я на его цифры, буквы и говорю ему по-научному: «Аш-два-эс-дэ-эн-ка-пи-эр-квадрат-дарвин-презент. Не бессмертный твой микроб. Всех микробов победит, а гриппозный микроб с ним сладит».

Почесал тот в затылке. «Эге, — произнес, — забирай свой торт кремовый». Тут я стал своим микробом хвалиться. А профессор отвечает: «Це-о-два-эм-це-квадрат-эр-эн-ка-мендель-морган. И твой микроб не бессмертный. Будут твои правители жить вечно, пока ангиной не захворают».

Вижу, прав он. «Да-а, — говорю, — и мне сегодня не суждено тортом полакомиться». Тем и закончился наш с профессором учёный разговор. Всё-таки от него радость, что, оказывается, наши с ним правители не будут жить вечно.

Тут засов дверной звякнул, и увели профессора. Оглянулся я вокруг — уже нет ни души: всех до единого увели, пока мы с профессором спорили. Стою один посреди тюремной камеры, своей участи жду. Опять засов звякает. «Вот и конец», — подумал.

Вдруг заходит огромный такой негр. В зелёной пилотке, в башмаках высоких на шнуровке. Своими белыми зубами скалится и по плечу меня

хлопает так, что я на пол сразу повалился. И говорит по-иностранному: «Окей олрайт карасчо враг капут».

Потом он от радости меня к груди своей прижимает как ребёнка. Из тюремной камеры наружу выносит, а туда уже ладные какие-то ребята прикладами рогатых загоняют. Сами тоже в пилотках зелёных, в башмаках на шнуровке.

Ведёт меня негр в прежнюю комнату. Там за столом уже другой человек сидит, но тоже военный. Бумажки разбирает. Мне он не как негр обрадовался, а поменьше, но руку жмёт, смотрит вежливо. И произносит: «Героические, — говорит, — союзные наши с вашими войска, —

говорит, — доби́ли подлого противника в его собственном логове. Миру — мир!» Снова руку жмёт и отпускает на все четыре стороны.

Вышел я на волю. Хотел было профессора поискать, о микробе договорить. Может, не успели его убить рогатые. Но вдруг неизвестные люди мне мешок на голову накидывают, верёвками всего скручивают. На самолёт грузят и везут неизвестно куда. Привозят... ну, к этому...

— Злыдню уродскому, — подсказала Розка.

— Ужасный злыдень, — кивнул папа, — и урод такой. Говорит: «Давно я, умник, за тобой охочусь. Нужен ты мне». Гляжу я на него с удивлением: зачем, не понимаю. Тогда он газету достаёт как из воздуха, развёртывает и в моё фото всеми своими шестью пальцами тычет. «Если ты, — сипит, — живого микроба придумал, то мёртвого уж подавно выведешь. Я им все реки и моря отравлю. — И потом ещё говорит: — А тебя пока посажу в стеклянную клетку, чтобы я смотрел, как ты моего микроба делаешь».

Пытался я отговориться и так и сяк, но он даже слушать не стал. Схватили меня его невидимки и посадили в прозрачную комнату. Сижу, микроба изобретаю. Но не смертельного, а слабительного. От него вреда никакого, только живот немного поболит. Почти уж изобрёл, а тут вы подросли.

Так закончил папа свою историю.

Глава 26 Остров

самолёт летит тем временем над океаном бескрайним. Папа на кнопки жмёт, штурвал крутит. Ты спросишь, мой юный друг: где он летать научился? Да я и сам удивлён... А-а, вспомнил! Он ещё в прежнюю войну был боевым лётчиком. И награды имел.

Мальчик уже прикорнул под рассказ отцовский, от сражений своих умаявшись. Сон ему приснился удивительный: будто сам он стал тихим прудиком, воды его мирно плещутся, деревья склонённые его своими листьями ласкают. Облака по нему плывут, покой его не смущают. Небо в нём синее отражается. Подходит к пруду дева, красивая и грустная. На голове её венчик, из роз сплетённый. Склонилась дева к воде. Образ

её светлый в прудике отразился. Тогда заплакал Мальчик во сне от любви и жалости.

Тут начал самолётик трястись, дёргаться, в воздушные ямки нырять. Проснулся Мальчик. Отец говорит:

— Горючее у нас кончается. Поглядим, нет ли острова вблизи.

На приборной доске был экранчик с кнопками. Пощёлкал ими папа, и на экране буквы вспыхнули.

— Есть, — говорит, — остров неподалёку. — И опять кнопками щёлкает. — Островок, — гово-

рит, — маленький. Замок там один стоит. И церковь одна. И человек один живёт, из той церкви священник. Остальные все на заработки уехали и пока не вернулись.

— А голодать нам не придётся? — Розка спрашивает.

Папа опять кнопками пощёлкал. Отвечает:

— Живности там немало: коровы дикие, овцы дикие, козы дикие. Все без человека одичали. И земля, — говорит, — плодородная. Даже голую палку в землю воткнёшь — тотчас она листьями покроется.

Тут островок показался — как со дна морского на свет Божий вынырнул. Покачал самолёт крыльями и на землю сел. Глядят друзья наши: замок на пригорке стоит, стены мхом обросшие, вьюнками все обвитые. На башнях флажки железные под ветром туда-сюда вертятся, поскрипывают. И оказались друзья наши среди сада дивного, цветами благоухающего. Рядом церковка белая.

Воткнул Мальчик в землю свой меч деревянный, и сразу он листвой покрылся. Потом берёт Мальчик Розку за руку, и они втроём по ступеням в церковь поднимаются. А ступеньки древние, в трещинах. Из них трава зелёная пробилась.

Заходят они в церковь. Навстречу им — старец в ризах праздничных. Голова длинная, посередине лба одна прядка свешивается. Протягивает он вперёд руки свои и возглашает громким голосом:

— Венчается раб Божий Николай рабе Божьей Марии.

Вот какое у Мальчика-то было имя. Вот как Розку назвали при рождении. И стали они все трое жить на том острове. Долго они жили, да и сейчас живут.

Вот и всё, юный мой друг. Прощай!

МЕЧ И ЕГО МАЛЬЧИК

Послесловие для родителей

Извечные символы и открывающиеся нам раз-ве что во сне древние архетипы — это незримый костяк видимого, посюстороннего мира. Без них он обратился бы в серо-буро-малиновую мешанину чисто физиологических ощущений: сытно — голодно, тепло — холодно, медленно — быстро. А система символов придаёт миру упорядоченность, живую слаженность и многомерность, подлинную реальность. С её помощью мы по мере сил проникаем в суть вещей, видим не только их тленную шелуху, но и светоносную или, наоборот, сумеречную сердцевину.

То же самое и в литературе, пресловутом «зеркале действительности». Я убеждён, что просто невозможно создать художественный текст, в котором, даже и вопреки авторской воле, не сквозили бы символические духовные первоосновы

бытия, в котором нельзя было бы различить хоть несколько самоцветных осколков довременной мудрости.

Какая, казалось бы, связь между полузабытым теперь романом Николая Островского «Как закалялась сталь» с эзотерическими учениями даосских мудрецов? Автор и слыхом не слыхивал об этой разновидности «религиозного опиума», а и услышал бы — поспешил бы отмежеваться. И однако даже сам заголовок, в котором процесс становления человеческой личности уподобляется производству особо прочного оружия, в какой-то мере созвучен даосским поверьям, согласно которым тело мудреца, достигшего высших степеней святости, не истлевает в могиле, а чудесным образом «переплавляется» и «закаляется», превращаясь во вполне материальный, но наделённый магическими свойствами меч: гробница оказывается горнилом, подобием алхимической печи, в которой трансмутируется не тот или иной минерал, а само человеческое естество.

А взять всем сызмальства известную повесть Николая Носова о Незнайке в Солнечном городе: на первый взгляд, это всего лишь проекция инфантильной психики советских людей, их детсадовского восторга перед механическими игрушками, их тяги к слиянию, самоотождествлению с техникой, недаром клички-то у них соответствующие — Винтик, Шпунтик, Шурупчик.

Однако при внимательном прочтении оказывается, что на страницах «Незнайки» бессознательно отражены архетипические представления о райских садах, населённых благими душами, вновь обретшими младенческую невинность, что описываемый Носовым Солнечный город есть не что иное, как пародия на «Город солнца» Кампанеллы и на всю тысячелетнюю традицию «Града бессмертия», стоящую за трактатом знаменитого итальянского еретика и оккультиста.

Вполне естественно, что до самых последних пор эзотерические темы и символы, без которых немыслимо ни одно подлинно художественное произведение, будь то «Золотой осёл» Апулея или «Кентавр» Апдайка, могли проявляться в нашей литературе лишь в виде случайных, неосмысленных, карикатурных фрагментов — то есть в том самом виде, в каком они томились в ментальном подполье авторов. Сказочные повести вроде «Чёрной курицы» Антония Погорельского или «Хроник Нарнии» Клайва Льюиса были бы совершенно невозможны в стране, где даже обычные волшебные сказки переиначивались и коверкались в угоду «моральному кодексу строителя коммунизма».

И вот перед нами «сказочная быль» Александра Давыдова. Одна из первых в теперешней литературе попыток приоткрыть перед юным читателем символическую, то есть подлинно

реальную картину мира. Героя повествования зовут просто Мальчик — им мог бы быть любой из наших сыновей или внуков, хотя лично мне кажется, что автор наделил его как своими собственными чертами, так и чёрточками своего сына Серёжи. Повесть называется «Мальчик и его деревянный меч». В чём же суть этого названия, да и всей «были»?

Дело в том, что меч — не только вид холодного оружия, рубящего и колющего, но и многозначный символ. И прежде всего — символ воинской доблести, рыцарственного духа, мощи и отваги. Классический меч обоюдоостр, и это тоже весьма знаменательно: будучи инструментом истребления и разрушения, он может истреблять несправедливость, карать жестокость, вырубать под корень заросли идолопоклонства и суеверия, то есть становится орудием созидания.

Меч, разделяющий на брачном ложе Тристана и Изольду, символизирует самоограничение, чистоту помыслов, высокую аскезу. Огненный меч архангела Михаила, преграждающий Адаму и Еве доступ в рай после их грехопадения, — это прообраз того божественного пламени, которое, по мистическим понятиям, опалает грех, очищая самого грешника. Меч, которым на алхимических гравюрах адепт разрубает «мировое яйцо», соотносится с острой дерзновенностью человеческого разума, проникающего в тайны природы.

Герои «Песни о Роланде» гордятся своими мечами, каждый из которых, словно человек, обладает собственным именем: Жуайёз («Ликующий»), Дюрандаль («Крепкий» или «Долговечный»), Отклер («Высокосветлый»). Более того, средневековый меч — это реликварий, хранилище святынь, своего рода воинское распятие, перед которым молились накануне боя: в позолоченной рукояти Роландова меча заключены зуб святого Петра, кровь святого Василия, прядь волос святого Дионисия, клочок от риз Пресвятой Девы. В одной из своих статей Максимилиан Волошин очень тонко и точно определяет парадоксальную связь между воином и его священным оружием: «Рыцарь — только служитель меча, который свершает в мире некую высшую, справедливую волю». Поэтому было бы правильнее говорить не «рыцарь и его меч», а «меч и его рыцарь».

Поклонение мечу, граничащее с его обожествлением, характерно не только для Средневековья: ещё Геродот писал о скифах, приносящих жертвы воткнутому в землю древнему акинаку. О сходном обычае у аланов несколькими столетиями позже сообщал римский историк Аммиан Марцеллин. В германских сказаниях и скандинавских сагах говорится о чудесных клинках, выкованных в потустороннем мире эльфами или гномами. «Тайна, скрывающая происхождение меча, — пишет итальянский учёный Франко

Кардини, — превращает его в существо одушевлённое, живое, с особенным характером, — в личность».

Выше я уже упоминал о даосских поверьях, касающихся особого вида духовно-телесной алхимии, превращения человеческих останков в магический меч. Нелишне добавить, что эта малоизвестная даже среди наших синологов тема подробно и красочно развита в романе австрийского писателя Густава Майринка «Белый доминиканец», с которым в чём-то перекликается повесть Давыдова. В «Мальчике и его деревянном мече», пронизанном отголосками различных духовных учений, наряду с христианской линией особенно тщательно разрабатываются даосские и дзен-буддийские мотивы: читатель убедится в этом на примере таких глав, как «Поэт ловит луну» и «Наставления Учителя». Вообще, важно подчеркнуть, что автор, будучи православным христианином, без малейших колебаний обращается к иным духовным традициям, если они могут в какой-то мере прояснить или дополнить его собственную, — вот так же великий русский землепроходец Афанасий Никитин с благоговением посещал когда-то мусульманские святилища и храмы индуистов.

Быть может, ему довелось встретить там жрецов-госаинов с жертвенными мечами, которые отождествлялись с молнией-ваджрой, оружием

бога Индры, а та, в свою очередь, считалась прообразом мирового древа, — иными словами, меч в древней Индии служил символом всего Космоса. А если бы любознательный тверской купец двинулся из Южной Индии на север, к предгорьям Гималаев, он наверняка обратил бы внимание на статуи Бодхисаттвы Манджушри с занесённым над головой пылающим мечом. Меч в буддизме — атрибут божества, предводительствующего духовной битвой с демонами самоослепления и невежества, с inferнальными существами, олицетворяющими плотские страсти и вожделения. Подобные трактовки символики меча можно было бы умножать почти до бесконечности. Остановимся на том её аспекте, который подчеркнут в повести Давыдова, — на деревянном мече.

Это меч совсем особого рода, орудие чисто ритуальное и духовное, предназначенное не для истребления врагов во плоти и крови, а для битвы с самим собой, с собственным сознанием, порабощённым призраками, которых оно же и породило.

Известно, что в Древнем Риме деревянный меч вручался гладиаторам, которые своей доблестью и самоотверженностью заслужили право на свободу: сам император препоясывал бывшего раба этим словно бы игрушечным оружием, которое на самом деле было куда более почётным

и могучим, чем настоящий гладиум или спата. Раб — олицетворение плотской природы человека, видящей в мире одну сплошную материальность; поэтому рабам дозволялось пользоваться мечом наряду с другими сугубо материальными предметами, тогда как меч деревянный, то есть надматериальный, духовный, предназначался для тех, кто доказал свою причастность к области истинной свободы.

Арабские прорицатели-кахины, способные воскрешать прошлое, заглядывать в будущее, постигать потустороннее, во время своих предсказаний держали в руках деревянный меч, обращающийся в бегство злых джиннов. Сходную роль в ламаистских обрядах играл деревянный трёхгранный кинжал пурба, которым пользовались тибетские жрецы-заклинатели. В традиционной китайской космологии дерево считалось одним из пяти природных элементов — оно порождается стихией воды и, в свою очередь, порождает стихию огня: деревянный меч, таким образом, можно считать мечом огненным.

В нашей повести Мальчик сам вырезает его из «могучего дерева в зелёных листьях», но это самодельное оружие, не освящённое высшими силами, остаётся лишь игрушкой, которой можно только сшибать головы одуванчиков. «Первый вариант» меча должен вместе с Мальчиком претерпеть мучительную метаморфозу, чтобы

из ребячьей самоделки превратиться в настоящий магический клинок, способный поражать незримую нечисть из летающих тарелок, чёрное воинство злыдня уродского. Мальчик впопыхах теряет свою игрушку на «острове мёртвых» в разбойничьем вертепе и, только пройдя духовную выучку у старца-даоса на волшебной горе, получает от наставника новый меч, по виду не отличимый от прежнего, но по сути схожий с лучом, исходящим из глаз вещего старца.

Образ волшебного меча дополняется в повести образом мистического цветка, воспетого в «Романе о Розе» Жаном де Мёном и в «Божественной комедии» Данте. Этот символ женского начала Вселенной, Sancta Rosa, Вечной Женственности, воплощён в обличье шелудивой Розки, девчонки-подкидыша, верной спутницы Мальчика. Здесь автор использует традиции народных сказок, чьи герои, в конце концов обретающие символический царский венец и столь же символическую вечную молодость, поначалу предстают такими замарашками, «попелюшками», золушками: их внешность — всего лишь отражение косной, непросветлённой человеческой души, стремящейся омыться в водах молодильного источника, обрести первозданную чистоту и свободу. Розка — это, выражаясь языком тантрических трактатов, «шакти» Мальчика, то есть его внутренняя духовная энергия, его женственная

ипостась, без которой он не смог бы очиститься от окарины заблуждений, страхов, иллюзий.

Быль о деревянном мече — это, в сущности, приспособленный к определённому уровню понимания рассказ о таинстве посвящения: именно так смотрели на волшебную сказку и великий французский эзотерик Рене Генон, и замечательный русский фольклорист Владимир Пропп. Первый этап посвящения сводится к символической смерти, после которой герой оказывается в подземном мире, в царстве мёртвых, где ему предстоит пройти немало мытарств, чтобы на деле доказать свою способность к духовной самореализации. В тексте упрятано немало намёков на традиционные образы, в которых описывается этот многотрудный путь. Одни из них навеяны русскими сказками (разбойничья избушка, переправа через реку), другие — буддийскими текстами (падение в пропасть), третьи почерпнуты из православных легенд о Николае Угоднике, четвёртые, наконец, восходят к древнейшим мифам об острове Блаженных, где живут всезнающие и бессмертные праведники...

Не возьму на себя смелость пересказывать содержание повести. Отмечу лишь, что мастерство автора проявилось в том, как искусно вплетает он все эти фольклорно-мифологические нити в ткань своего повествования, основу которого составляют события, характеры и бытовые детали,

подсказанные нашим не таким далёким прошлым. Вспомним опыты Мальчикова отца, изобретателя «эликсира бессмертия»: его горестная история — это и намёк на зловещие эксперименты, проводившиеся в 1930-е годы во Всесоюзном институте экспериментальной медицины и нацистском институте «Аненербе», целью которых было достижение физического бессмертия, и откровенная пародия на псевдоалхимиков, носившихся с подобными идеями ещё задолго до торжества «подлинно научного мировоззрения». Опоганенные церкви, скелеты в полосатых робах, сургучные печати на дверях, чёрные диски в небе, затянута вонючими зелёными облаками, пакет со взрывчаткой в самолёте, огромный негр в зелёной пилотке, говорящий по-иностранному: «Окей олрайт карасчо враг капут», — таков достаточно просторный историко-бытовой фон, на котором оживают, облачаются в плоть и кровь древние символы и мифологемы.

Финал повести, где воткнутый в землю деревянный меч покрывается листвой, а Мальчик и Розка — раб Божий Николай и раба Божия Мария — идут под венец в белую церковку среди «сада дивного, цветами благоухающего», где их встречает святитель Николай, так схожий обликом с Цаган Эбугеном (Белым Старцем) северобуддийского пантеона, — это глубоко символическая сцена, лишняя раз подчёркивающая

общность истоков всех истинных религий и верований, перегородки между которыми, согласно известному присловию, «не достигают неба». Здесь и только что упомянутый остров Блаженных, знакомый почти всем земным традициям, видевшим в этом образе отражение рая, и отголоски «Романа о Тристане и Изольде», и переосмысление алхимических гравюр, изображающих «священный брак» Серы и Ртути, Короля и Королевы, свершающийся на островке среди водной глади, и, разумеется, мотив «свадебки», венчающий русские народные сказки.

Безымянный Мальчик и сопливая Розка становятся Адамом и Евой на острове, который как будто «со дна морского на свет Божий явился». Их осеняет деревянный меч, вновь ставший мировым деревом.

Юрий Стефанов¹

¹ Юрий Николаевич Стефанов (1939–2001) — писатель, переводчик, культуролог. Крупнейший знаток духовных учений и мирового фольклора.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие (для детей)</i>	5
Глава 1. Мальчик	9
Глава 2. Девочка Маша	12
Глава 3. Микроб Виталий	16
Глава 4. Папа пропал	19
Глава 5. Нянина деревня	22
Глава 6. Тётка Тоска	26
Глава 7. Земляной холм	35
Глава 8. Дети становятся невидимками	42
Глава 9. Старец	45
Глава 10. Остров мёртвых	49
Глава 11. Атаман	54
Глава 12. Мальчик теряет свою Розу	58
Глава 13. Поэт ловит луну	63
Глава 14. Мальчик падает в пропасть	67
Глава 15. Наставления Учителя	72
Глава 16. Злыдень уродский	75
Глава 17. Бой с невидимками	81
Глава 18. Мальчик теряет Учителя	85
Глава 19. Усатые хулиганы	89
Глава 20. Железный дом	94
Глава 21. Мальчик находит свою Розу	98
Глава 22. Конец атамана	104
Глава 23. Битва со злыднем уродским	109
Глава 24. Папина история	115
Глава 25. Папина история (окончание)	120
Глава 26. Остров	125
<i>Меч и его Мальчик.</i>	
<i>Послесловие для родителей</i>	131

Литературно-художественное издание

Александр Давыдов

МАЛЬЧИК И ЕГО ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ

Для среднего и старшего школьного возраста

В соответствии с Федеральным законом № 436
от 29 декабря 2010 года маркируется знаком **12+**

Иллюстрации и обложка Елены Шамшуриной

Верстка Стефана Розова

Корректоры Ника Максимова, Ольга Дергачёва,

Вёрстка Стефана Розова

Художественный редактор Юлия Сиднева

Ведущий редактор Катерина Шаргина

Главный редактор Ирина Балахонова

ООО «Издательский дом «Самокат»

119017, Россия, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 18, стр. 1

+7 (495) 180-45-10

info@samokatbook.ru, www.samokatbook.ru

Наши книги везде в мире

samtambooks.com

Книги по издательским ценам можно приобрести

в магазинах издательства:

Москва, ул. Малая Ордынка, д. 18, стр. 1;

Санкт-Петербург, ул. Мончегорская, д. 8Б

и в интернет-магазине samokatbook.ru

Подписано в печать 20.06.2023.

Формат издания 70×100/16

Усл.-печ. л. **13,0**. Тираж 2500 экз. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными

материалами в **ООО «ИПК Парето-Принт»**,

Россия, 170546, Тверская область,

промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А,

www.pareto-print.ru